

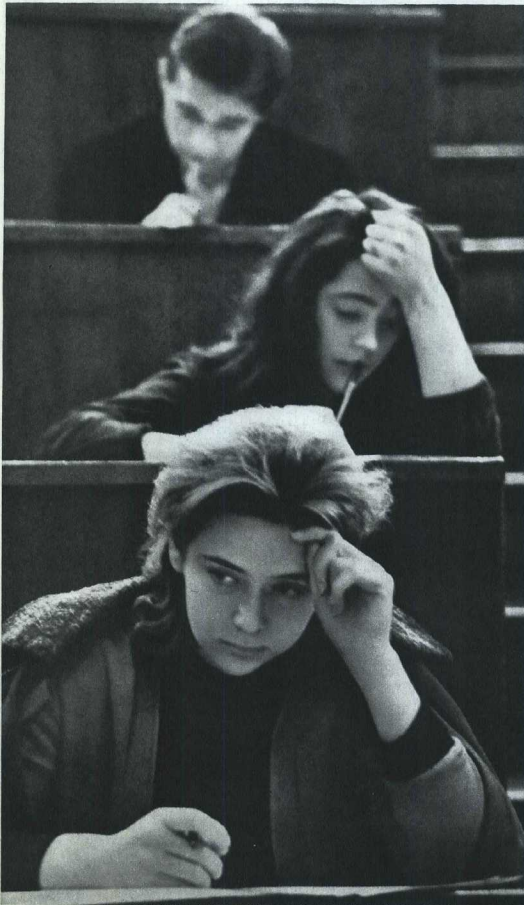
№ 16 (142)
АВГУСТ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СИНЕМА

КАК БЫТЬ?

Э. ЧЕРЕПАХОВА

В редакции приходит порой любопытнейшая корреспонденция. Вот недавно из Бандерки зверя, сотворенного из адювато-зеленого плаща — с мировой дракона, кривыми лапами таксы и типичным хвостом свиньи. К животу этого эзотерического создания было прикручено белой ниткой фабричное пояснение: «Идеальное сазучинный». А из сопроводительного письма читателя я процитирую только последние строчки: «Теперь мой сын видит это во сне и вскрикивает».

И я подумала о том неведомом мне восторе плошевого гибрида, который вкладывает в эти произведения столько отвращения к своему ремеслу.

В сущности, история любой северно работанной вещи — это, видимо, в большинстве случаев повесть о том, как и почему человек, имеющий склонность к одному занятию, взялся по какому-то причинам за иное — взялся холодно, без страсти. Эта повесть берет истоки в ранней юности, когда человек делает свой выбор, делает, если можно так выразиться, себя. В прежние времена говорили: «удель, экривай»...

В анкете, опубликованной в номере одиннадцатом нашего журнала, мы отметили как главные, центральные вопросы, вопросы именно об избранном зрелище: «Собирается учиться, работать, где?» и «Что повлияло на ваш выбор?», «какая профессия наиболее привлекательна?».

Я отбирал поступившие в редакцию первые сто ответов. Разумеется, результаты анкетного опроса — и тем более предварительный — могут не выявлять скрытых закономерностей. Однако кое-что существенное, на мой взгляд, можно подметить. Итак, письма — ответы на анкету есть и от москвичей, что живут за три-четыре квартала от Бульварного проезда, где находится редакция, и есть письма, присланные из Кемерово, Иркутска, Хасавюрта, Кустана, Якутска, Казани... Вот результат подсчетов: 25 человек из ста собираются стать инженерами, 11 — педагогами, 7 — юристами, 5 — библиотекарями, 2 — дипломатами, 6 — переводчиками, 3 — военными, 8 человек — инженерами, причем 4 из них — инженерами-экономистами, 4 собираются посвятить себя профессии, связанной с искусством, 1 человек собирается поступить в институт физкультуры, 1 — стать моряком, 1 — астрономом, 1 — ветеран, 1 — диктором, 1 — подать документы в ПТУ. Почти все остальные решительно заявляют, что их призвание — журналистика.

Цифры эти сами по себе ни о чем не говорят. Хотя в № 101 «Комсомольской правды» была опубликована любопытная информация — сколько заявлений абитуриентов подано на одно место к 12 июля в разных институтах. Но мы в данном выступлении оставим в стороне открытый вопрос: не отодвиг ли только что модная физика в второе место, и что будет лидировать вместо нее?

В отобранной мной пачке писем есть два, авторы которых прямо пишут, что пойдут туда, куда будет возможность.

Вот дословная выдержка из письма Александры Иванченко (г. Кишинев): «Дело сейчас не в профессии; я не знаю, точное, знаю очень мало людей, которые поступили именно туда, куда хотели».

Главное сейчас диплом, в какой, неважно, это уж никому не важные детали. Школа окончена. Впереди, кажется, сплошная скука».

Я бы хотела остановить тех, кто может поспешно выдать взгляды Иванченко за нечто совершенно уникальное. Это заставляет сделать хотя бы то обстоятельство, что в 99 из ста полученных нами ответов говорится: «буду поступать в вуз, а если не дай бог, провалюсь, тогда пойду куда-нибудь работать».

Видимо, диплом — это мечта не одной Иван-

КАК БЫТЬ?

ченко. Именно диплом, документ, гербовая бумага, а не та или иная профессия, нужен полярник. Посмотрите, как мотивируют юноши и девушки свое решение.

«Когда-то, будучи маленькой, увидела фильм «Сельская учительница», — пишет Тая Косенко из Сузунки, — с этого, пожалуй, и началось. (В школе тогда проводил уроки завмилась машинисткой и стенографистка.)

«Когда я еще училась в 5-м классе, мне удалось прочитать книгу Фердинанда Замматальни «Минимум математики». Обойдет другая?»

И. Николаев. (В школе Тая Кошница получила специальность швеи.)

Галина Сюркова из Новочеркасска объясняет нам свой выбор так: «Мои родители говорят, что надо попробовать поступить в институт (выучить иностранные языки... — Э. Ч.), (Производственную практику Галин Касачева на электровозостроительном заводе.)

Михаил Михайлович Гладких хочет быть писателем, но подает документы в институт иностранного языка, так как в начале последнего своего учебного года поступил на курсы иностранного языка и «одно увлеклось». (А в школе обучался на радиомонтажника.)

Александр Хмельницкий из села Константиновка (УССР) отвечает на вопрос об избранной профессии: «Собираюсь учиться в институте механических сооружений. Я хочу бороться за мир, дружбу, коммунизм.

Борются за мир, дружбу и коммунизм — это прекрасный долг человека любой профессии. Но наши сосымы побуждают поступить в институт (выучив иностранный язык, наводят на грустные размышления. Получается, что многие наши школьники — наши весьма великодушные дети просто-напросто боятся самостоятельности, боятся утратить привычный ритм и школьный уклад жизни, поэтому поиском своего, именно своего места в жизни они отдают слишком мало душевной энергии. Складывается впечатление, что им не хватает зрелости сделать свой выбор, зрелости ответить за него и ответственности по всем школьным законам.

Ответы, присланные на нашу анкету, подкупают искренностью и объективностью, они вызывают во нас оптимистичный и честный, без утайки разгадывающий. Профессору Манасова из Дагестана пишет со всей серьезностью, что поступление в институт представляется ей чересчур самостоятельным шагом для выпускника школы: «Мне кажется, весьма трудным еще для ученика школы — стенографистку видеть себя студенткой, да еще полностью ответственным за себя, ведь дом будет далеко и мама тожна».

Наталия Дмитриевна Владимировна Скобелкина, например, была еще совсем молодым исследователем, когда поразила ученых и мир открытием, связанным с космическими лучами. Мне скажут: «Но он человек выдающийся — способностей дай». Но при любых природных надарках, чтобы стать крупным ученым в молодости, нужен определенный уровень знаний, образования, а раннее образование — результат рано определенной интересов, страсти, увлечения каким-то делом. Такая страсть проявила через все самолюбия и голода Михайлов Ломоносова, такая одержимость сделала подростка Жанну д'Арк.

Если распустить «бронзы монополю», в которое заковывают каждого великого человека время и благодатные потоки, — изучить подробности жизни выдающихся людей, — то мы увидим слабой, ни странностей, но жизнь ее была освещена светом огромной, очень значительной идеи, ставшей смыслом его бытия.

Но вернуться к тем, кто выбор своего места в жизни в обществе откладывает на последующее время, «сплусуэзовское» время, их внутренне стремится уйти от самостоятельного решения: кем они быты?

Наша школа сделала в последнее время попытку помочь подростку найти себя, но сделано это, по-видимому, не совсем удачно. Жесткая регламентация профессии, невнятные и отчасти технически невозможные условия поступления в техникумы — все это привело к напрасной трате сил и средств.

Видно, связь школы с жизнью не так просто осуществить. Иные заставляют бы одним школьным мастером табуретку, другим — трубку, третьим — токарный и пробный станок. Связать подростка с жизнью — это помочь ему осознать себя как личность.

Антирование, цель которого — выяснить интересы школьников, увлекать сейчас кого уго-

но: журналистов, писателей, комсомольских работников, социологов, но только не педагогов! А им есть над чем задуматься.

Вот еще один образец, как говорится, не только «к большому», но и «к маленьким». Школьник не мертвый материал, из которого учитель, школе предстоит создать новоявленного Пингвина, а живой человек, который живет в Школе только помощник. Учитель не может и не должен переложить на свои плечи все: так сказать, жить за своего ученика. Подросток должен учиться разбираться в себе сам, от него нужно требовать самостоятельности. Он формирует самостоятельность личности.

Давайте взглянем в будущее тех, кто «завалялся», не прошел по конкурсу. Один, верные свои мечты, может пойти в институт, а другой, куда хотелось пойти сразу инженером, или курьером в газету, где мечталось стать специальным корреспондентом, или санитеркой в больницу, где милость стала по сравнению главным врагом, — другая часть? Другая просто угадалась, что «не пропало зря время». И пойдут годы, полные разочарования и скуки. Кто знает, может, ядерно-зеленые плывущие чудовища созданы именно такими мальчишками, которые в детстве, давая экзаменов в институте международных отношений, или девочкой, которая хотела в астрономии...

Начнутся неизбежные эксперименты. Позднее жалея быт и мысли от их творчества, работники отдела кадров: «Ему куда? Государству все эти разочарования и «поиски личности» влетают в копеечку. (Родителям личности, кстати, тоже.) Я могу привести цифры из своего бланкета. В Калуге, например, на фабрике, где делают лианно, в лианнозаготовительном цехе нужно обучить человека не меньше двух месяцев, причем в первый месяц он получает 40 рублей, а во второй 75 процентов того, что положено работнику 1-го разряда, остальное — за выработку. Монтанжана надо учить четыре месяца, настройщика — шесть, и, вот, представьте, их обучают, обучают, обучают, а результатов нет!

На фабрике «Акорд» (яне приходилось уже о ней писать) в запомнила работницу Африконку. Она выучилась на гриншувщицу, но охладела к этому делу, не обучившись, поэтому оказалась швеей, броши и это — ушла. В Москве, на заводе «Готельная», на революционерке учестке часто обновляется стесн. стенички. Помимо одну девочку, с которой я ридом работал. Ее звали Лариса, ей было 19, когда она пришла в школу Центрального телеграфа, потом ушла на завод «Филзрибор», позже — в магазин. Писала я и о калужанке Тамаре Ивановой, сменившей шесть профессий за несколько лет, и о семье Зоробавичей, сменившей до 22 лет восемь профессий.

Дело в том, что, выбирая профессию, человек в 18 лет, очевидно, должен уже уметь оценить свои возможности и думать о своем будущем, задаваясь вопросом: «Что я могу дать обществу? Ведь от этого, кстати, зависит и вторая половина дела: что общество даст тебе?

Обществу выгодно, чтобы каждый из нас выиграл быт, а не только бизнес, и с удовольствием. Только любимое занятие может влечь всего человека. Творческий потенциал — это наиболее трудно поддающиеся учету ресурсы — тоже богатство, его сокращение — это потеря. Оно сложное и щекотливое обстоятельство на пути человека к обложному делу: превел его возможности, способности.

Из статьи в журнале «Телера» из Подольска, увидевшая и в обычной средней школе и в специальной физико-математической, и в верное оценивает свои возможности — возможности будущего инженера, инженера предстает перед нами девушка, которая не знает, куда девать вертлявка из г. Кемерово, которая собирается стать следователем, потому что прочла несколько книг на эту тему и там ее «так романтично». Из статьи «Конец девственности пяти работ» кому-то кажется, что в нем в коем случае не материальный, только моральный фактор влечет на их выбор. Т. Новикова из Калининской области, работавшая бухгалтером, чья, допустим, Лидя Вертлявская из г. Кемерово, которая собирается стать следователем, потому что прочла несколько книг на эту тему и там ее «так романтично».

Их статья в журнале «Телера» из Подольска, увидевшая и в обычной средней школе и в специальной физико-математической, и в верное оценивает свои возможности — возможности будущего инженера, инженера предстает перед нами девушка, которая не знает, куда девать вертлявка из г. Кемерово, которая собирается стать следователем, потому что прочла несколько книг на эту тему и там ее «так романтично».

Высказывая такие мысли, такие свои убеждения, мальчики и девочки, привыкшие жить на полном

родительском пансионе, обнаруживают полную неподготовленность к переходу на личную взрослую работу, которым пришла пора самостоятельности. Обычайные «Пингвины» — мальши даша С. Выходят из пансеков. Все они зашищают как атрибут личного достояния право парить в эмпиреях, отдаваться «чистой науке», предостерегая себя мамой и бабушкой, а также учителями.

«Мой папа — слесарь, мама — художник. Я хочу стать искусствоведом. Я не знаю и знать не хочу, сколько получает искусствовед? Главное — что мне нравится специальность. Папа — мальши даша С. Выходят из пансеков. Все они зашищают как атрибут личного достояния право парить в эмпиреях, отдаваться «чистой науке», предостерегая себя мамой и бабушкой, а также учителями.

Нет, речь идет не о том, чтобы выбирать себе дело в зависимости исключительно от денежных соблазнов, но учитывать их просто необходимо — это не только женский вопрос, это вопрос достоинства взрослого человека, его чести, его нравственности, его души.

З. И. Ленин говорил, что настает время, когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общности и когда их труд будет настолько производительным, что они будут добровольно трудиться по способностям.

Но должно быть, когда это произойдет, люди уже найдут способ безошибочно совмещать свои способности с наклонностями, и для них станет непреложным правилом наследие трудовое.

Мы должны помнить, что это время еще сейчас, сегодня. Мы — это не только журналисты, писатели, Академия педагогических наук. Это вы сами, вы, только ступившие за школьный порог, и так, что губы за язык.

Как это делать? Миллионы способов. Быть более любознательным, проверять свои способности в кружках, секциях, обращаться к помощи и совету специалистов в обобщающем деле, к учителям, наставникам. Быть — и учителем, а не они (не только они!) — к вам! Максимум энергии! Максимум личных усилий!

Я с удовольствием привожу здесь выдержки из письма Владимира Гавуся. Г. Владимирович, который решил поступить в мединститут. Владимир згогид решил проверить себя, но так как оказалось, что в медучище берут только «мастеров», а «мабратль» в этом деле, то он решил поступить в техникум, а не в институт, потому что «внутри работать санитаром. (В школе он учился на радиста.) «Пожукую, читаю учебники, брошюры по медицине. Несколько дней я неделю только думекать в «Косурку. Вызвекать в «время» — это, конечно, было бы не совсем правильно, но я думаю, что это не так уж и плохо. Так пишет Володя. Картина, нарисованная в этом письме, представляется мне в какой-то степени образцом отношения к будущему образованию, оно говорит о серьезности отношения к своему будущему.

Совершенно правильно представляется мне позиция Володи Александрова из Луганска, который считает, что надо так выбрать профессию, чтобы всегда нравилось себя человеком. Только хочется развить его мысль: не обязательно даже человеком с дипломом или диссертацией. Просто хорошим человеком при нужном деле.

«Мне хотелось бы узнать, как можно для нас силу закончить: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Обществу совершенно необходимо, ему просто выгодно, чтобы каждый из нас выбрал свое дело точно. Чтобы на каждом месте стояли не взаимозаменимые средние специалисты, а люди особенные, привороженные делом. Только труд, только любовь к делу, только умение — это и приносит ощущение полноты. Остается, правда, узнать: соподпадают ли склонности со способностями? Это психологики имеют чисто практическое значение не только для каждого лично.

Уже сегодня в жизни школьников. А завтра — завтра творческие ресурсы Родины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРА - ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания
сорок третий
Выходит два
раза в месяц

АВГУСТ
1966

[942]

Баллада о последнем из...

Иосиф НОНЕШВИЛИ

«Индийцы бегут,
дадим им уроки
Пинокери, в атаку,
Интерд, с нами боги!»
Вот Д И Л А Н.
Из песни
«Если бог за нас...»

I
В толпе, в ущелье городском,
тая горящий взгляд,
стоит он с каменным лицом
среди каменных громад.
Над ним безумствует аргон,
всем спектром с крича,
над ним проносится вагон
надзвонки грохоча,
но, отчужден от суесть,
не чувствует толчков,
в стране видений он, среди
легенд и полуснов...
Нет, он не бредит.
Он в уме в своем,
а просто он в действительности,
как в тюрьме, навечно заключен.
Когда действительность страшна,
когда надежды нет —
душе дает приют страна
видений и легенд.

II
Гаснет аргон, меркнет, как наваждение, город с воюю бензиновой, с криком газетчиков по утрам...
Среди зеленых холмов стоит он, строен и молод.
Над головою небо, как голубой вигвам!
Это его вигвам, его холмы и равнины,
птицы и звери его, его табак и маис.
Тысяе самой тишины ступают его мокасинам,
крепко он, как близок, умен и дерзок,
как лис.
Может он, как змея, подползти и близкому стаду,
зверя без промаха в сердце его стрела поразит,
может мчаться без седла, сжимая бока мустангу коленами —
так лететь, что ветер в ушах свистит!
...Вот с добычей домой поет он в своем каноэ,

он поет, вместе с ним лес поет и веда.
Вот сбгают к реке в час полуночный двое:
он с подругой.
Зовут ее Утренняя Звезда.
И под утро уже, в час, когда звезды сини, их укрывает туман покрывалом добрым своим.
И, спущаясь, она скажет ему о сыне.
Они назовут мальчишку Облаком Грозовым.
Он будет воин!

A если родился девочка — кто же, пусть будет, как день, прекрасна, пусть будет легка, как ветер, пусть будет на мать похожа, пуская зовется — Лесная Зелена Тишина!
...Вот он свет манс, вот он плещет в день жатвы у кюстра, и вокруг плещут банки огня!
Богам своих предков он принесет обильные жертвы, любяще, но не свободу.
Она у него одна.
Но духи гор и лесов не требуют жертвы этой.
Добры они или злы, они природа сама.
Они светлы,

как весна, щедры и жарки, как лето, как лес осенний, прозрачны, задумчивы, как зима...
Так и живет он. Вдоль сменяет собой немять, утро сменяет ночь, звеня в бубенце росы.
Земля и небо равно ему распахнуты настежь,
а в небе Луна и Солнце — барометр и часы...

III
Но вот все смерклось.
Но вот виденно побледнело...
И ветер гудит в снастях,
и гневно ревет прибой.
Зачем к его берегам стремишься ты, каравелла,

кого твои паруса забросили в край чужой!
Вот падают паруса, вот якорь они бросают, от судья

уже гребут дикие птицы...
Дела кровавых мечей они крестом осеняют.
Белы их руки и лице, как поммысы их черни!
...И будет голод и мор, и будет пылать жарница в полнеба, в себе собрав цвет крови и цвет огня...
А может быть, это их Спасителя багрянца!

Немногое же собой напоминает их она!
...Столетия пройдут, и он, хозяин земли исконный, получит себе в надел болото и солончак.
И в диком углу страны, асфальтовой и бетонной, угаснет его очаг.
И будут тануться дни без проблеска.

Без надежды, и станет горсткой людей могучий его народ.
Легенды его умрут, истлеют его одежды одижди.

в гулкой тиши музейных залов, и вот

IV
в толпе, в ущелье городском, тая горящий взгляд, стоит он с каменным лицом среди каменных громад.
Среди тротуарной суесть, клансовых местовой, бронзоволицыц, он стоит, как памятник живого, но не на памятники.

Его приметив среди лиц, мне гряд кивает: мол, того, гляди,

последний из... И я главу. И я слезу его горящий взгляд.
Он здесь стоит, я так скажу, едва ли наугад!
На площадке вышел он и стал среди пыльных, чахлах клубов.
Над ним гранитный пьедестал и бронзовый Колумб.
НЬЮ-ЙОРК — ТЫЛЛИСИ.

Перевод с грузинского Владимира ЛУТОВОГО.

13
НОВЫХ
СТИХОВ

Перелет журавлей

Летят, вытягивая шею,
через равнины, через горы,
звонкий путь все тяжелее,
все необъятнее просторы.
Глядят на море и на сушу,
глядят — и все тревожат думу.
Кричат — и слышно в этом крике
нугуленное желание,
мечта о подвиге и риске,
опасности и расстоянии.
Причина этого полета —
еще невведомая страна,
печаль родимого болота
и разноцветные туманы.
Кричат — и в этом крике дышит
тоска по дальним горизонтам,
по землям, новым и великим,
томящимся под новым солнцем.
Опасность и зовет, и манит,
зовет родимый дом покинуть,
тревожит кровь и взор туманит...
О, поскорее бы достигли!
Не сдавайтесь, не сдавайтесь
ветрам, изморозям и недугам,
поднощичке не теряйтесь,
летите дружно друг за другом!
Холодный иней ляжет ночью,
а в небе заблестит с рассветом
их сия, разорванная в клочья,
из гнезд раскисшими ветром.

Стал я грязным, как чан для вина,
мое тело мне стало темницей,
на душе залегла тишина
и чиста предо мной страница.

Что ж, как видно, поэты мне
где-то слышали — и провадно.
На рассвете грядущего дня
далеко-далеко уезжаю.

О, я знаю такие места,
мне известны такие долины,
где лежит под ногой красота
и метафоры вселу, как иммы!

Даже шаг нельзя там ступить
без отблеска, без прищипывания,
вспору тебе свое отворить,
душу выпустить из заточения!

А минуты слетают с небес,
и кружатся, и ставят в известность,
что они из породы чудес,
как обломки понятия «вечность».

И любая мне жизнь дорога,
все хочу осознать и увидеть,
все мне дороги, даже врага
в этот миг я не в силах обидеть.

И за что нам здесь порой
звездочетов волшебное зрение!
Мы с того ни с сего — божье войло —
наступают внезапно прожемы!

Желтый лист, и осколок кремня,
и сто раз повторенное слово —
все внезапно пугает меня,
все становится свежим и ново.

Горской речки надежная сталь,
винограда зеленое царство —
их дорога длинна, коротка ль,
но чурается лики и коварства.

На знатие грядущего дня
и в деревне сумеем вернуться,
выйду в лес — под ногой у меня
сто метафор, как иммы, взорвется.

Перевел с грузинского
Станислав КУНЯЕВ.

Начинается сказка так имно,
а в конце разливается грусть.
По дорогам прекрасного мира
я, как буйвол Никора, плетусь.

Я иду и ваю из сказки грузинской
и, любяши врмо влола,
улыбаюсь сказочной улыбкой,
если пичка горит на плеча.

И за что мне подобная милость!
Как щебечет мой звонкий скворец!
Наша комната — то «Наутису»,
то какой-нибудь древний дворец.

Сколько смеха и переполоха,
сколько нежности льется в окно!
Что же это, любовь! Ради Бога,
или радости! Не все ли равно!

Тень, как восточка, бьется о стекла,
словно к жизни стремится имно...
Неужели я счастлива настолько
этой малостью доли земной!

Это чувство внятно ли! Мало!
И не знаю и знать не хочу,
лишь бы дочка по-плычи порхала —
я собою за все заплачу.

Я заено в продолжении рода,
я продолжил его битие,
мне понятие ставя природы,
мудрость жизнью и целю ее.

Неужели когда-то исчезнет,
угасая, как солнечный луч,
этот люющийся радостью щебет,
без умолку лепещущий клюю!

Парень Гогиа

На белых колених
в робе стоит апрель,
зовут родины тебе,
юноша Гогиа,
двадцать лет имлола смнчет я
с апрель,
имвола мнчет тебе,
юноша Гогиа,
где-то могла твоя у керченских мест,
ты предпочел бы, Гогиа,
землю отчужу,
двадцать лет ты не был в семье —
двадцать лет!
Двадцать лет не работал кесюю
острою.

Двадцать лет
идут тебе старики,
двадцать лет от тебя ни слова,
он в восточки,
двадцать лет ты не пил из имлой
реки,
черный инжир не срвал крючком
с веточки.
Двадцать лет мы не видам улыбку
твою,

стожучу с пугончик
от пятаю возлюбленной.
Разве черная туша на могилу твою
не легла бровью отца насупленной!
Разве не упала на могилу твою
капель —

нет, не просто капель,
а слеза
материнская!
Разве тучу к тебе не принес апрель!
И не дошла до тебя
прохлада грузинская!
Как же не смог собраться
с силами ты!
Если дохла прохлада,
— как же ты выдржал,
на солнечный свет не вышел из
темноты,
крышку холодного гроба
как же не выломал!
Весь о делах твоих не принес
апрель;

в роще березовой
вешние травы троега,
он на колени становится,
как олень,
и на рогач у него — весна,
сплышши, Гогиа!
Двадцать веем,
двадцать солнечных лет
бредит апрельем нашей родина
горня...

Землю вспахал и посеял на пашне
хлеб,
рощей млет,
восставшая,
парень Гогиа.

Тигр

Наконец-то меня ты настиг...
Что глядишь на меня сокрушено!
А не ты ль тот прославленный тигр,
новым вытязом насмерть сраженный!

Ты молчишь, а как будто рычишь.
Ты стоишь, но в прыжке
распалася.
Ты печально и горько молчишь,
ты по джунглям давно стокосвался.

И сжимается сердце мое,
вида шкуру твоего покора
и блестящее тело твоё
в пелосах азнатского зноя.

Может быть, это солнечный мех
или красок степных переливы!
Сберегла эта шкура для всех
и восторга и страха прилмы.

Не стыдись, что распался без сил,
и не превуничайся беда.
Ты и в смерти вавек сохранил
и величие и зрость победы.

Мир поконтис не на китах,
а на тигровой шкуре в полосу,
з нашим прошлым и в наших стнах
этой храбрости есть отголоски.

В темных зарослях наших стних
это прошлое тлюю крадетс
и о лезвиях острых клинков
по-кошачьи котгам сбредается.

Не пространства, а только вена
отдалит кровавые раны...
Как рею, улываюю вавя,
удалюется в сын и в туманы.

Кроме времени, что отдалит,
увесет красоту от истока!
Этот раз и во все злоидит
мелкой дорожкой пределы Востока.

Но поэта уже не страши
призрак прошлого, итавши вощую,
и комматнуше, где шкура висит
и тигровые сын бродят ночью.

Шота НИШНИАНИДЗЕ

В то время, когда несколько
лет назад многие молодые поэты
попытались резко разорвать
и обнулить традицию грузинского
классического стиха, Шота
Нишнанидзе пошел, на мой
взгляд, по самому трудному
пути: он стал искать возможности
остаться современным поэтом,
не впадая в притягательное
лого модернизма. И на по-
верхку оказалося, что этот не-
легкий путь, видимо, плодотворен
многих прочих. Судьбы
родины, ее героическое прошлое,
ее земля, щедро подарившая
кровью и потом грузинского
воина и крестьянина, — вот что
возвнует поэта.

О, рукоят меч и рука —
два стержня жизни на земле
грузинской.

Вдумчиво и пристально взгля-
дывается поэт в прошлое, что-
бы выхватить духовную связь с
настоящим.

Перевел стихи русский поэт
Станислав Куняев. И если гово-
рится, что переводчик и поэты
должен быть сорпленным автором,
то это тот самый случай. Вытязи
этому сорпичеству русские
читатели познакомиться
со стихами хорошего грузинского
поэта.

Иосиф НОНЕШВИЯИ

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА

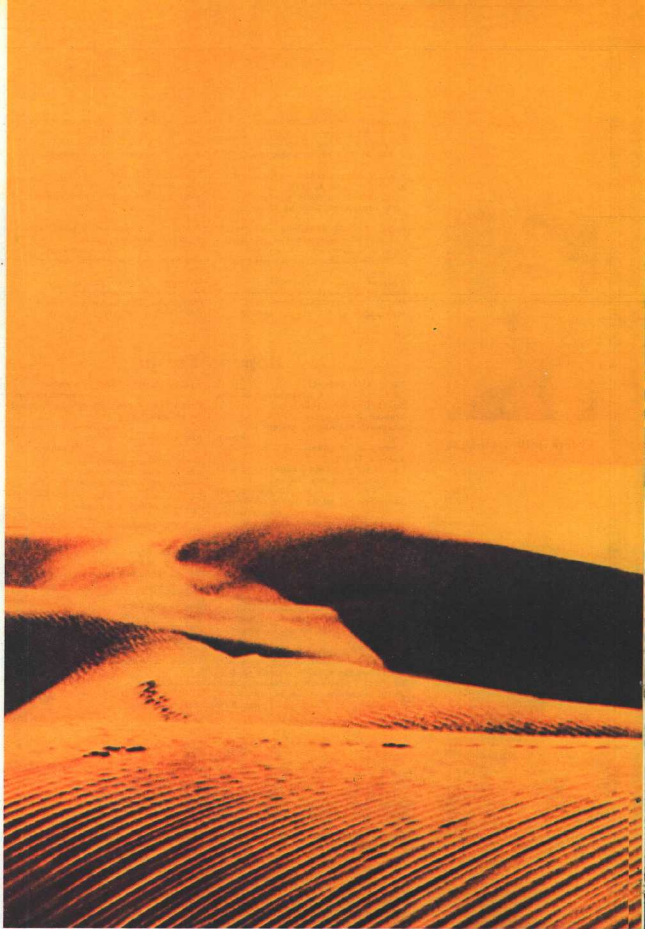

ТВОИ ДОРОГИ, ПУСТЫНЯ

Фото А. ЛЕХМУСА,
текст В. ЛЕВАШОВА,
специальных корреспондентов
«Смены»

Не дождался нескольких километров до колодца Тази-Кув, машина круто свернула на обочину и остановилась. Мы вышли. Умоил двигатель, погас свет — и тотчас сдавила нас бездонная, космическая тишина, тотчас на плечи, словно приносящая нас и землю, пал мертвый звездный дождь, тотчас ощутили мы на своих лицах теплое, мерное, как океан, дыхание беспредельных песков, смещающих все представления о пространстве и времени.

...Такова пустыня. Ничтожным и затерянным кажется себя человек среди однообразного чередования барханов, поросших надымом и заразкой, зыбучих песков, круглых, ровных, как стол, таныров... На десять километров — ни души. А потом внезапно: возлежит на величавой, ручной работы кошке темной, олеуметского спомыстива и невозмутимости человек, живущий как бы в совершенно иных пространственных и временных пределах, покуривает сигаретку, изредка — в среднем по полчаса в час — переговаривается с пятнадцатилетним сыном, который тут же, в халате и пуховой бараньей папахе, перемешивает угли в эриномном костре. Маленького чабана зовут Машане. Его отца, старшего чабана колхоза имени XXII партсъезда КПСС, — Исла-

мом Пировым. Мы познакомились с ним в ста километрах севернее железнодорожной линии Ашхабад — Красноводск, на иррадо таньера. Прокатить мимо крошечного их лагерь мы не могли, ибо закон пустыни гласит: «Увидел человека — остановись: может быть, ему нужна твоя помощь...»

Эти люди и танье, как они, — ядро, древний корневая ветвь генеалогического древа пустыни.

Три с половиной века не просто сохранилась жизнь в этих землях, сохранился и множился в людях заряд мужества, воли, уверенности в своем

превосходстве над пустыней. Не придя и назем, в сегодняшней день, из глубины пыльных веков этот ничем не измеримый потенциал, шерстью, наверное, осталась бы эта земля, во всяком случае, не была бы сегодня Каракумы тем, что есть.

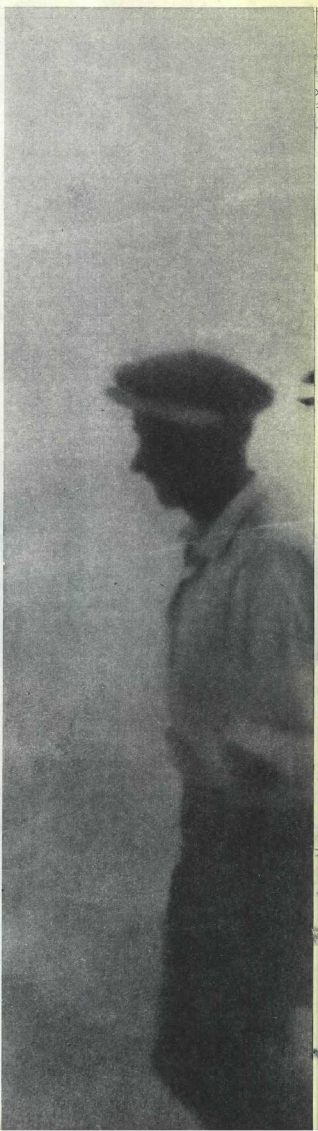
А Каракумы сегодня — это нефть, это газ, который питает заводы Урала и Поволжья, это уникальный тонковолокнистый хлопок, это шерсть, молоко, драгоценные телинские ковры, сырье для химической промышленности. Это, наконец, знаменитый канал, строительство которого продолжается.

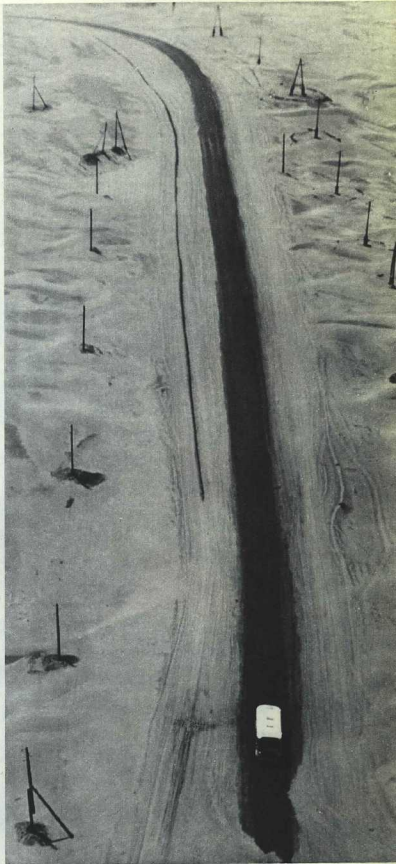
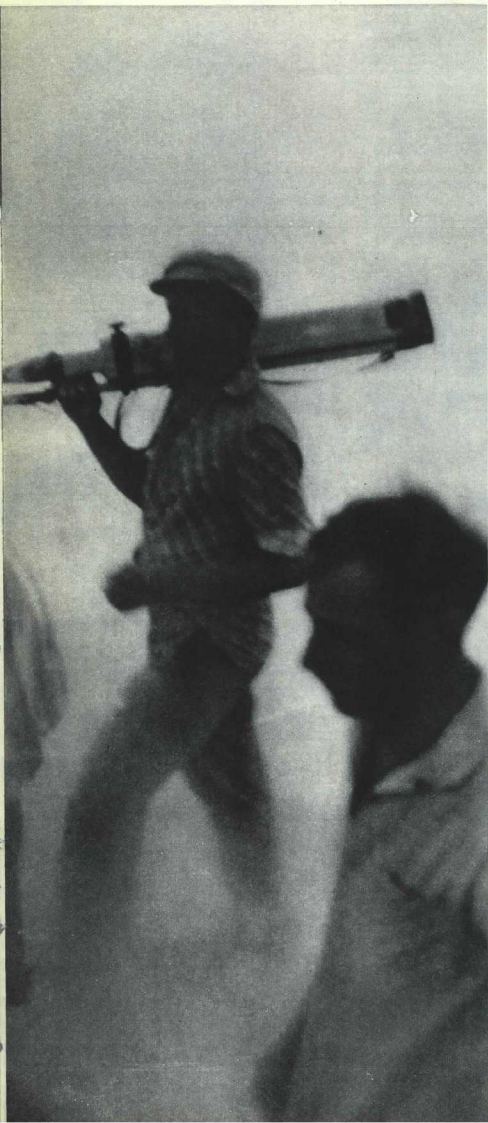
Каракумы — Черные пески.

В кобре, этой смертоносной хищнице, словно спрессована вся злоба пустыни. Но торжествует жизнь: новорожденный архаренок замер в удивлении перед миром. (Снимки передал «Смене» работник Бадхызского заповедника Юрий Горелов, ученый-зоолог и фотограф.)

До железнодорожной линии — сто километров.

«Тропы» пустыни... Мчатся кулаком, встревоженные шумом мотора. В заданный квадрат шасси сходится. По асфальтированной трассе, проложенной среди мертвых песков, спешит автобус. Пустыня полна обещания.

Каракумы 1966 года все щедрее отдают свои богатства, поносятся человеком.

На западной границе Черных песков главный геолог объединения «Туркменинефть» Владимир Иванович Денисович, которого в окрестных кишлаках называют Зур Кеце (Большой человек) в отличие от обычного Зур Баш (Большой мальчишка), рассказывал нам о туркменской нефти...

Сегодня, когда Денисович прохаживает по тусклым улицам Небит-Дага, люди специально делают иронию, чтобы поздороваться с ним. Три десятилетия

назад, когда он впервые появился здесь, испод ему отглядывали с злым недоумением. Нынче, приехавший из Азербайджана в истощенный, умирающий Небит-Даг, выступил против признанных авторитетов, против старомодов-нефтяников, жаждавших этих песчан, и все же сирепа сердце вынужденных ставить вопрос о свертывании разведочных работ. Неодоиме вызвала не только уверенность молодого инженера в метривильности существовавшей методики поиска, герардо более — мальнишеская, по именою многих, готовность взять на свои плечи гравидную ответственность за судьбу промышленности, за судьбу тысяч людей.

Названия промыслов Небит-дагской площади известны сегодня нефтяникам всего мира. А сиюльми еще предстоит прозвучать столь же высокой

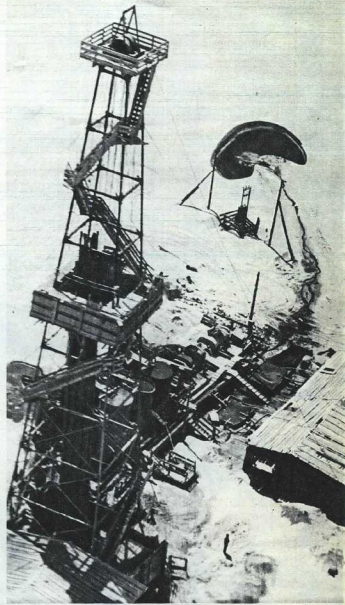
Дерзость мечты и упорство в ее осуществлении, любовь и скромное дружение смотреть далеко вперед и мыслить масштабно — вот те черты характера Владимира Владимировича Денисенчу, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной и Ленинской премий, которые измусили мне присущими в той или иной мере многие и многие из тех, кто связал свою жизнь с Наранунами.

У молодца Кары-Куль девятнадцатилетия новоселюшка Саша Иостромеева, начальник агрегатостанции, затерянной в гнучих песках, процитировала нам слова Антуана де Сент-Экзюпери, летчика, писателя, человека, влюбленного в пустыню и в жизнь: «Для нас пустыня то, что рондалась в нас самих. То, что мы узнавали о себе».

«Скоро, очень скоро перестанешь обращать внимание на экзотические караваны и юрты, очень скоро перестанешь ощущать вичтожности, затерянности, задальности человека безмерным пространством сменяется ощущение гордости за его силу; очень скоро восстанавливаются искаженными было этапы пространства и времени».

В сыпучих барханах Баро-Геальмеса идет разведочное бурение. Скажана был нефть.

Саркаваншская сейсмическая партия, в которой работает Юрий Блехарев, находится в Центральных Каракумах. Воду сюда доставляют на самолетах.

Иссушающим зноем, одной несодошедшей пылью, сивозь которую солнце спользало, точно сивозь дым помара, астретила нас трасса Каракумского канала. На склоне, что мы вичаляли в кабинете тридцатилетнего начальника одного из участков «Наркмустроя» Гафура Джаварова, эта часть трассы обозначена пунтиром. Тонкие тушевые черточки обрисовались полукруглыми котлованами, в которые с ревом, с сильным дизельным чадом входили, словно проваливаясь, неуклюжие «С-90» со сверкающими отполированными колами, спускались по пологому скату вниз, зарывались в расклеванную землю чуть не по трубу. Казалось, все: закопался, не выберется. Но снизу, отсюда-то из отсутствия пыли и дыма, доносился особенно мощный рык, и медленно, дрожа от испуга, выползала громадина бульдозера.

— Сверху наша трасса похожа на длинную вымывой завесы, — заметил Гафур. — Ах, паразит, что делает! Он сорвался с места, скатился вниз и пропал в пыли. Только через минуту три мы увидели его возле крайнего бульдозера: развода рунт тая, как если бы показывал, какую большую рыбу он поймал. Гафур объяснил что-то высунувшемуся бульдозеристу.

— Дал нагонять? — поинтересовался я, когда Гафур рассказал, что именно бульдозерист делал неправильно.

— Нагонять? Да нет. Просто пересказал ему, как о нас отзовутся люди, которые будут работать здесь вслед за нами.

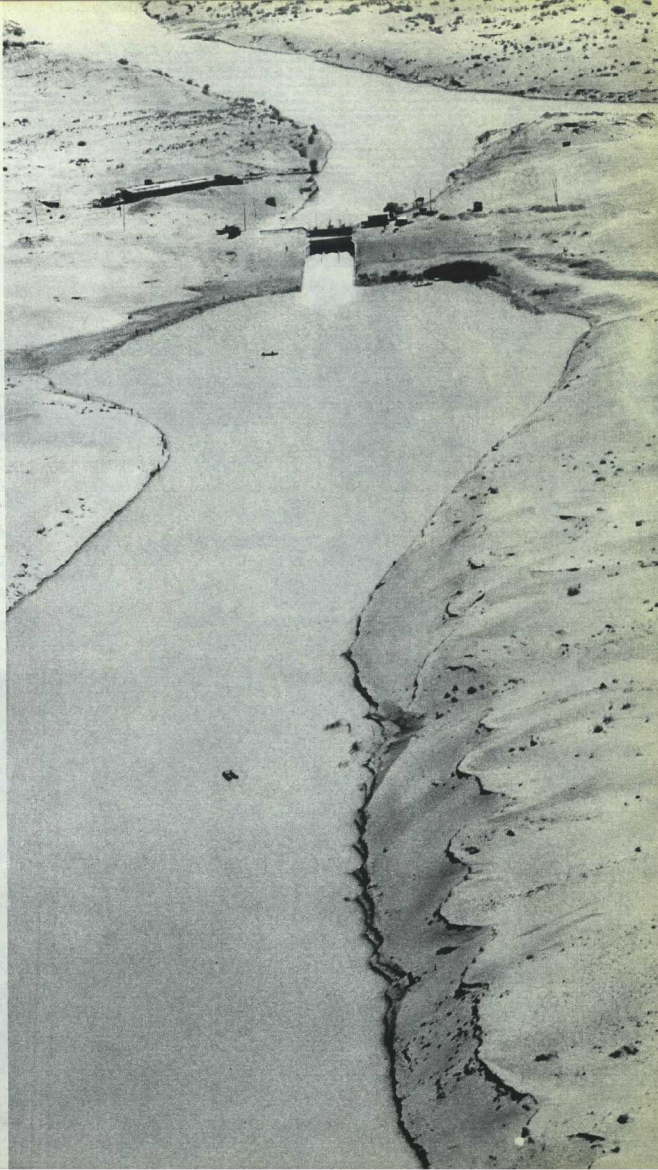
Трасса разбита на делания, в каждом из которых работало по одному бульдозеристу. Я обратил внимание, что на одной из деланов было несколько машин.

Проходя мимо этой деланов, Гафур на глаза прикинул объем работы и пометил в записной книжке:

— Там, Максимов, треста примерно...

Каракумский канал протянулся на 800 километров!

Один из ударных участков наступления на пустыню — строительство третьей очереди Каракумского канала.

— Будет план?
— Здесь-то всегда будет! — Он помолчал, вытер заливающая глаза пот и как бы устало повернулся ко мне: — Кошляк погубил. В позапрошлом году. Когда переключку синимали. Если бы не он, всё бы нашей работе ханна... Теперь ребята вот — за него. Старини У него в Сибири остались. И две сестрени — учатся...

Люди, добывающие нефть в Небит-Дага, в Котур-Теле и на Челекене, ведущие трассу газопровода Средняя Азия — Центр через исток плато Усть-Урт, выращивающие хлопок в долинах Тардана и Мургаба, охраняющие границу в расклеванных, как маровина, песках, — вот кто сегодня по-беждает пустыню.

В Каракумах я нашел ответ на вопрос, давно меня занимавший: что заставлял ребят и девушек от восемнадцати до двадцати восьми, оничивших тахикуму, институт или только школу, дваться от насиженных мест непременно куда-нибудь подальше. Уж если на север, то на самый крайний север, если на восток, то уж на самый дальний восток, если на юг, то в самое пекло, в Каракумы, в пещин. Ответил мне на этот вопрос Га-на Галеноно, второй секретарь Небит-Дагского горкома комсомола, недавний выпускник Ижевского института нефти имени Губкина:

— Стремление испытать себя... Пояснил: в пустыне, как в трудном походе, человек гораздо чаще,

чем в городе, остается как бы один на один с собой, острее, беспощаднее видит себя, оценивает. Быстрее мужает, многократно-стремительней осознает свою связь с людьми. Тот, кого не словала пустыня в первые месяцы, никогда не бывает пессимистом. — И никогда не бывает пинномом, — добавил он.

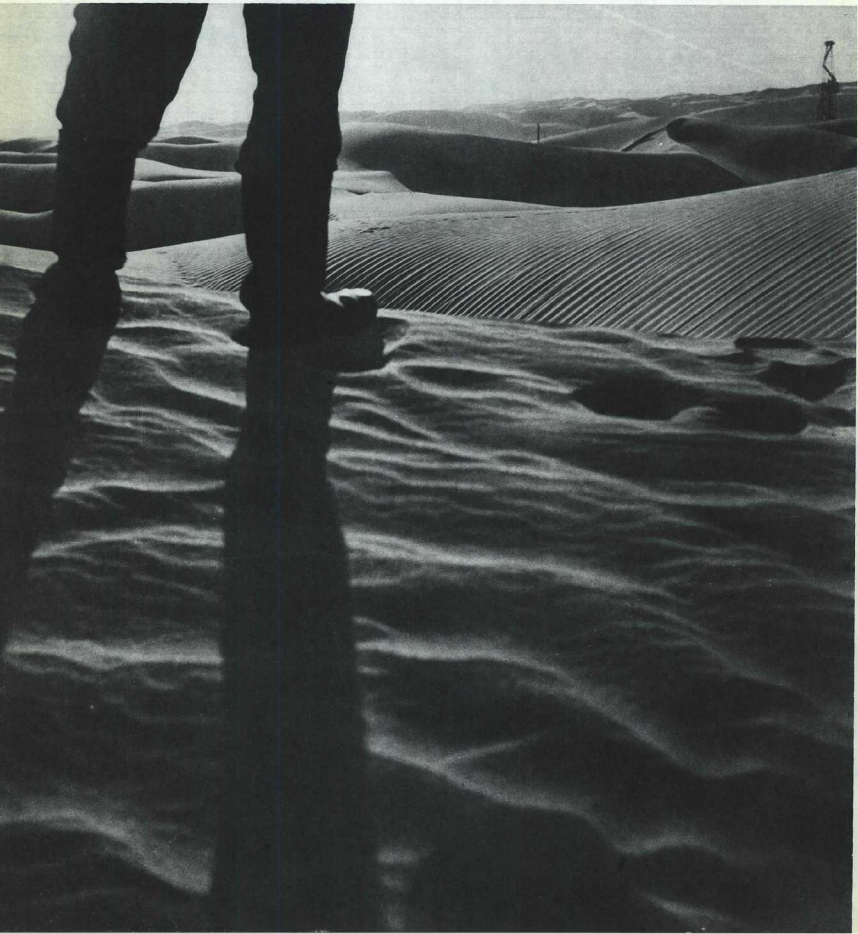
И еще одно объединяет людей в Каракумах — многозначное, трудно поддающееся точному определению отношение и пустыне. Не и отдельному своему промыслу, буровой или участку трассы канала — и пустыне вообще. И пустыне как и понятию не только географическому.

Более века назад туркменский поэт Санди писал:

Выйдь без цели вешней бродить порой.
Манат вдали твои дороги, пустыня,
Брошу дом, распрощусь с постылой горой,
Земли все пред тобой убоги, пустыня!

«Земли все пред тобой убоги» — это о Черныхот песках...

...Мы улетали из Небит-Дага вечером. Заманное низкое солнце провалило по барханам черно-красные длинные тени. Под ирилом остались выщип Челекена, шатгущие в море, илонка могучих тягачей мерделино уходя в гущь песков, заволакивая горизонт завесой пыли: НАСТУПЛЕ-НИЕ НА ПУСТЫНЮ ПРОДОЛЖАЛОСЬ...

РАССКАЗ

Митя лежит на траве, как распятый, раскинул руки, голый до пояса.

Жарко. Вокруг пахнет дурманом и печеным хлебом. Рабочие, победив, ушли отдыхать в тайгу.

Митя лежит неподвижно до реки на открытом месте. Солнце пронизывает тело расклеванными глазами. Но лице испарина. Лень шевелиться.

— Вали в холодок! — кричит ему Василий. — А то, как гляди, сам загорись и тайгу подожжешь.

Глаза у Мити закрыты, но он представляет, как Василий похлопывает свою загорелую грудь и как смотрит на него, усмехаясь, шуря красными, чуть наискось бараньи глаза.

Митя хочет вернуться домой такти черюкином, чтоб на него оборманивались, когда он будет идти по улице. Чтоб мама, открыв ему дверь, всплеснула руками, не от восторга, разумеется.

— На кого я похож, мамочка!

— Не дуришь! — спокойно отвечает она.

— Мамочка, ты всегда рассуждаешь только с медицинской точки зрения. А давай попробуем с эстетической.

Уезжая, он сказал матери:

— Заработаю мешок денег, и ты сможешь взять отпуск за свой счет.

— Не надевай, пожалуйста, долгов.

Второй месяц работает Митя на реке, формирует плоты. Деньг зарабатывает нелегко. На обратную дорогу хзатит. Да еще пара бумажек в хармане остаются. Люди здесь смотрят на него как на малоего неразумного. Стоило ехать за тридцать земель. Чудило! Он не часто доводит их добродушно-насмешливые взгляды.

Митя приподнимает голову. Видит распростертое тело Василия. Видит реку, белую от ослепительного солнца. Река здесь широкая, быстрые, неразумнояркая. По ней прикладает катер, чтобы зацепить плоты и потянуть в обратный путь.

Выходят на берег капитаны. Совсем непохожие на капитанов: в спецовках, заманенные мазутом. Они умяуют в холодной реке обожженные ветром лица. Они сидят вечером у костра и громко пьют чай, со смородиновым листом. Они рассказывают, как долго пришлось стоять у порогов. Образовалась плита. Думали взрывать ее динамитом. Но полили дожди, и с гор пришла вода. Митя слушает внимательно и жадно. За эту навигацию трижды переборщивались катера. Митя просит, чтоб его как-нибудь взяли с собой, можно взять, стечего же не взять, — говорят капитаны. — Только у порогов высадим, а то потом отвечать за тебя.

...Митя больше не выдерживает ятиске солнца. Он балансирует по бревнам, перепрыгивая через них, вбегает в реку. Теченье бросает его в сторону и несет легко, как щелку. Митя и страшно и весело. Пробраться к берегу — нелегкая задняя. Но вот он нащупывает дно и несколько минут стоит в воде, как пьяный. Наконец выбирается на берег, медленно идет в Василию и валится рядом с ним.

Трава в кустах высокая, острая. Пахнет завлей, грибами. Громадные руки Василия расслабленно лежат вдоль тела. На правой руке анкетные данные: Василий Башмаев 5 августа 1936 года. На левой, у самого предплечья, — сердце, пронзенное стрелой и надписи: «Ята, люди меня, как я тебя, Василий! — парень веселый. Он смеется громко, как будто полощит щетку горло. О себе рассказывает легко и беззлобно. Работал на заводе. Потом свалил трюном за хулиганство, укупили на Енисей, научили в бревнушки играть. Теперь не тянет его в горло. Лодку плоты формирует. Зной! в деревне живет, плотничает.

Касно Митя спросил его о Катерине.

— Была, да сплыла, — ответил он коротко. — Теперь я женатый. А о Катерине одна память, что на руке.

Митя наклоняется к Василию.

— Не спишь ведь?..

— Что ты провалился, — отмахивается Василий.

Но через минуту он спрашивает:

— Митя, скажешь тебе здесь? — Голос у него негромкий, задумчивый, словно ему очень жаль Митю. — Скажешь тебе, — утверждает Василий, не слушая Митиных возражений. — Ты бы девуку взял с собой. — смеется он. — Есть у тебя девка? А о маме тоскуешь? А маме тоску. Мама — это мамма.

...Обед здесь длинный. Два часа, а то и два с половиной. Но потом работают допоздна. Бросают, когда красное, словно опшаренное, солнце валится в тайгу. Уминаят уголок. Василий божно хватлет Митю по животу: «Раздуйся, что цыганске пощаде продавца. Митя не в силах ответить. Он бредет в палатку и валится на железную кровать, накрывается тулупом, от которого пахнет козлом, и засыпает мгновению.

Днем Митя иногда не спит. Валется в траву, думает о доме. Кажется, что все ступило от него далеко. Мысли плывут в его голове, как облака на небе, медленно, лениво.

Что ты, собственно, ешь, Митя Тарасов? Какая скромность, какое самоунижение! У тебя, Митя, ест характер. Ест воля. Ты понял, что хочешь быть филологом, а не геодезистом. Ты блисл, как зубр. Занимался двадцать пять часов в сутки, потелер год, но все же перешел на филологический. Но приехал брат покойного отца Андрей Степанович Тарасов, сибиряк, начальник строительного управления. Он-то и замутил воду. Ему не понравилось, что его племянник скучает с факультета на факультет. Он спросил Митю:

— А что ты, собственно, ешь, приятель?

— Кто, — поправил Митя.

— До «кто» еще подожди.

Дядя ходил по комнате, большой, неуклюжий, цепляясь рыхлым телом за мебель.

— Мама, — зирнал он, — что у тебя за сам растел? Что ты его в тюрьму выпускаешь? Он у тебя

бьет только из оина на куполо любуется?

— Да, сижу и люблюсь, — вызывающе ответил Митя. — От такой красоты ослепнуть можно.

— Ты и ослел! — Голос дяди вдруг осел от крика. — Не видишь, как жизнь кинит. Какими темпами дло строи.

— Строеа короби.

— Мария, да пойдй ты сюда.

Мама вошла в комнату, сказала:

— Митя, не груби. А ты, Андрей, слезь с табуретки. Давайте лучше обедать.

Это — маминo любимое выражение. «Слезь с табуретки» — значит перестать разговаривать. Но Митя представил дядю на табуретке в Бувальном смысле и рассмеялся. И этот смех окончательно разодал Андрей Степанович. На этот раз слез его вылился в решительное действие. Он достал бумажники и положил на стол пятьдесят рублей.

— Летою приезжай к нам в Сибирь и работай. Узнаешь, чем денежком пахнут. На обратную дорогу не дам ни копейки.

— Мама, это денги ему на поездку в Сибирь, — повторил дядя, боясь, вероятно, что Митя их истратит на выпивку.

Но дядя все-таки замутил воду.

Что ты ешь, Митя Тарасов!

Одно время ему стало казаться, что зря он перешел на филологический. Он и матери сказал как-то:

— Представляю, через два года был бы уже геодезистом. Но ты тогда не отговаривай меня.

Если б я помешала тогда, теперь бы ты меня обвинял именно в этом.

Мама всегда говорит нарочито спокойно, как у себя в клинике с больными.

Когда Митя перешел на филологический, он чувствовал себя победителем. Он старелся увидеть ликование среди своих новых товарищей, но все спокойно встретили его появление. Только одна девушка подошла к нему и спросила:

— Сивела ты собрался стать геодезистом?

Она смотрела на него и куда-то мимо него. Глаза у нее были напряженные, внимательные.

Он стал рассказывать ей, но сразу понял, что она не слушает его, думает о чем-то своем. Ее звали Соня. Была в ней некая-то приятная нетерпимость. И ему нравилось наблюдать за ней. Как она влилась в аудиторию, осторожно, бесшумно, как будто вливалась в комнату, где все спали тревожным сном. Как разговаривала с кем-нибудь, широко и непринужденно раскрыв глаза, явно не слушая своего собеседника. Как стояла гдеч-нибудь в стороне, раскинув дваа пальцами рыжую лентку на мажине, в ожидании Дитя Лаврова. Все в группе знали, что Соня влюблена в Виктора.

Надо бы было просто друить, чтобы влюбиться в Лаврова. Высокий, неслышанный, с ослепительными глазами, нанценный до блеска и отпугоненный так, что девчонки лиглись, что в портфеле он носит маленький электрический утюжок. Лавров мало интересовался науками, но зато в бассейне защищал чисте курса. Пловец он был превосходный. И в воде выглядел гораздо приятнее, чем на суше. К тому же он был приморденный инструктор. В кондраре, в аудитории всегда был слышен его назидательный голос.

— Не будешь ты пловцом, пока дышать не научишься. Ты же дышать не умеешь. И потом плывов расслаблены.

Он демонстрировал, как это надо делать. Соня стояла рядом и восхищенно смотрела на него, как будто Виктор делал движения, недоступные простому смертному.

Нет, надо быть просто душой, чтобы влюбиться в Лаврова. У Митки не было к нему злости. Он к нему никак не относился и называл рас-слабленным. Но вскоре Митке перестал видеть Соно и Виктора вместе. И Виктор казался ему очень озабоченным. Митка узнал, что он пере-водится на заочное отделение, устранивается работать. И как-то староста их группы Валя Панова ознакомила Митку и со свойственной ей кате-горичностью сказала почему-то очень торжественно.

— Ты знаешь, Лавров женился. Больше года ходил с Соной, а жи-вется на другой. Наверное, на какой-нибудь плочке.— Последние сло-во она произнесла брезгливо.— Я всегда говорила, что он негодяй.

Митка пожал плечами.

А у Соны был такой вид, как будто она чего-то никак не могла по-нять и ждала, когда ей объяснили. Часто она подходила к Митке. И они стояли рядом. Молчали. И Митке казалось, что именно он должен ее спасти.

Митка вечером позвонил ей по телефону.

— Ну как ты? — спросила он.

— Что, что? — переспросила она истерично.

— Как живешь, как дела и вообще?

— Ты же видел меня сегодня,— сказала она и засмеялась.

На другой день они вместе вышли из университета. На улице было холодно, а Митке, как всегда, шел без шапки и метал поскорее влезть в троллейбус.

Соно сказала ему:

— Подожди, не беги так быстро. И давай пройдемся до следующей.

— Пройдемся.

Чертовски было холодно.

— Где твои перчатки? — спросил он. Руки у нее были ужасно синие.

— Потеряла, кажется. Сегодня потеряла.

Он отдал ей свои, забрал у нее перчатки. И она благодарно взгля-нула на него. И вдруг остановилась, заговорила быстро, захлебываясь, и в глазах ее были слезы.

— Ты знаешь, Митка, все можно понять. Можно полюбить, различить. Но ведь он все время врел мне. Зачем, Митка?

И то, что она говорила, отозвонилось в нем страшной болью. Митка рванул первую дверь, и они вошли в парадное. Пахло кошками. Кто-то громко спускался по лестнице. Митка обнял Соно и поцеловал в щеку, по которой текла слеза.

— Твои слезы вкусные.

— Она смеялась, плакала и говорила:

— Митка, у тебя никогда не было такого состояния, когда кажется, что ты погибавешь. Еще невозможно — и все.

Потом они долго сидели на стульях метро. Потом пили чай в столо-вой. И Соно грала руки о стакан горячего чаю. Когда Митка пришел до-мой, он был такой замерзший, усталый и несчастный, что даже не мог вспомнить, о чем они говорили, что сказали друг другу на прощание.

А на другой день она ждала его внизу, в раздевалке, на том самом месте, где часто ждала Виктор. И, как всегда, двумя пальцами держа лапку и расквашивала ею. Он пошел провожать ее домой. И Соно сказала ему:

— Мама, наверное, еще не пришла, зайдем.

Комната, куда он вошел, была очень большая, но настолько застав-лена вещами, что ней было трудно передвигаться. На лианово столи-ке две огромные старинные вазы. И на юнких шкафах стояли вазы.

— У тебя не дом, а антикварный магазин! — сказала Митка.

— Кроме меня, здесь живет мама, учти.

— Угу,— шепотом проговорил Митка и поцеловал Соно. И она ответила ему. И он слышал ее дышание. И боялся пошевеливаться.

И вдруг Соно спросила:

— Митка, а собственно, кто мы друг другу?

И она выскобачилась из его рук. Отшла от него, словно сама уди-вляясь своему открытию.

— Мы никто. И мы — все, понимаешь? Иди сюда.

— Не надо, сейчас мама должна прийти.

Она ушла в другой конец комнаты, уселась в кресло.

Митка раскрыл лианово, удивил по количеству.

— Ты хоть «Чижик» умеешь? — спросила она чужим рассудительным голосом.

Лианово было совершенно расстроено и даже «Чижик» не походил на «Чижика».

— Если скоро должна прийти мама, тогда я пошел.

Соно поцеловала Митку. Он умищен, он все прекрасно понял. Сей-час ему лучше уйти.

...Соно была выдуцища. И сначала Митку это смешило. Когда они входили в аудиторию, Соно говорила ему:

— Без пяти двенадцать ты посмотришь в мою сторону, а я обернусь, хоршо! А потом в десять минут параго. Давай, сверни часы.

«Гораздо проще сидеть рядом и не оборачиваться» — подумал Митка.

Вечером она звонила ему:

— Ты можешь сейчас же приехать ко мне?

— Сидит, что я уже в районе твоего дома.

Но не было уже той легкости как в первом дич, до того, как она спросила его: «Митка, а собственно, кто мы друг другу?» И она все время что-то выдумывала: надо куда-то пойти, куда-то позвонить. И ка-залось, она ужасно напрягается, просто ломает голову, что бы еще такое сообразить.

Митка сказал ей однажды:

— Ты иди сюда, как затейник на пароходе.

— О, это тебе! — воскликнула она.— Ты знаешь, только-только нача-лась навигация.

— Ну и что ж? — не понял он.

— Вот мы и подем на катер. Чудесная прогулка. Сегодня давай сделаем тек. Ты не пойдешь меня провожать после лекций. И мы не бу-

Рисунок В. ЮДИНА

дем выдаться целых четыре часа. Ты зайдешь за мной в шесть. Давай сверни часы.

Тогда он не пришел в шесть. Он не помнит, почему он опоздал. Он медленно поднялся на третий этаж и позвонил. Соно открыла ему дверь и остановилась на пороге, не приглашая войти и не торопясь выйти к нему. Наконец она переагнула через порог, ничего не говоря ему, быстро побегала по лестнице. Он нагнал ее. Пошел с ней рядом.

— Почему ты надурася?

— Я не люблю, когда опаздывают.

— Ах, простите, извините. Я опоздал на тридцать минут и восемь се-кунд. Но ты ведь, кажется, ждала меня не под домом.

— Это совсем неважно, где я ждала тебя. Я не привыкла ждать. Я просто терпела не могу.

Она зло посмотрела на Митку.

А ему хотелось сказать ей: «Слушай, ты еще маленький котенок, за-чем же ты преждевременно становишься кошкой?»

— Я не люблю, когда на меня бросаются, привет,— сказал Митка и пошел быстро, не оборачиваясь.

Он бродил долго. И в конце концов пришел на набережную. Обло-котился на перила и стал смотреть на воду. День был пасмурный, и во-да была старинного цвета. Прошел речной трамвай. Митка представил, как они сидят с Соной рядом. Ему стало холодно. И он пошел домой.

Но сора эта была очень короткой, и после нее Соно стала совсем дру-гою. Она стала ласковой, понойной и как-то очень пристально и ви-нимательно смотрела на него, как будто рассуждала сама с собой: «Те-перь-то я очень хорошо раскусила тебя. Теперь-то я знаю, как обра-щаться с тобой».

Они все время были вместе. Вместе готовились к экзаменам. И каза-

Появлению каждой новой книги Аллы Трубиной предшествует сложная и по-своему уникальная трансформация. Чтобы написать «С крестом на шее», журналистка под видом бомомаки промчалась за стены монастыря. Для книги «Короли» снимает таблицы, потребовалась превращение в турнебель Галашия. Перед написанием «Командировки и тридцатый век» Алла Трубина побывала в секте. Теперь Алла Трубина стала инспектором детской комиссии милиции. Герои ее новых книг не выдуманы, это «трудные подростки». Последняя книга «Свой человек а болонье», отрывки из которой мы печатаем, будет опубликована в журнале «Октябрь».

Алла ТРУБИНА

Личность без паспорта

...Кто знает, может быть, я так и не стала бы инспектором милиции и не наисадала этих записок, если бы не та случайная встреча на вокзале.

Теперь я довольна, что однажды опоздала на поезд. Но тогда, тогда я ужасно злилась на себя — ведь из-за каких-нибудь трех минут предстояло проматывать два часа в ожидании.

И вот в самом отрицательном расположении духа брожу я по залу с чемоданчиком, а сестра жмет: все скамейки, как обычно в такой поздний час, заняты транзитными путешественниками с их неизменными мешками, чайниками и связками баранок. Наконец мне все же удается приткнуться в уголке возле окна рядом с рыжым детинкой в анюшином спортивном костюме. Его доглаголющие ноги протыкают во всю ширину прохода, куда-то рыжая голова упирается прямо в жесткое дерево спинки, а ему, судя по громкому храпу, хоть бы хны, и скамейки вполне замечают ему кривые с пороловыми матрацами и мешку подшуйки.

Медленно скамеек не слыша курюрюют дружинники с красными повязками на рукавах — две девушки и парень. Порываешься с моим соседом, дружинник приставляется. С минуту он пристально всматривается в серое от грязи лицо. Его взгляд задерживается на подложной под головкой левой руки. Рука закатан до локтя, и отстегивает видна фиолетовая татуировка: «Нет счастья в жизни».

Дружинник трогает доглаголющего за плечо: — Попрошу предъявить документы. Ему не сразу удается распотать спящего.

Наконец тот неохотно притворяется одним глазом.

— Не дадут человеку поспать, — бурчит он, бровями не вернувшись — на бровях.

— Предъявите документы, в потомните себе сколько хотите. — Дружинник настойчиво урывает рыжего за плечо.

Присядьте с ножом к горлу — документы, документы! — Рыжий отворачивает голову от нас, зыме глаза. — А может, и человек без паспорта, тогда что?

— Тогда вам придется говорить с нами в отделе, только и всего. Дружинник говорит все так же, не повышая голоса.

Пожоже, что он у них за старшего, потому что он тут же выноглоас отдал какое-то расширение девушкам, и те кивают головами.

— Даю.

Я с интересом наблюдаю за всей этой сценой. И вдруг ловлю себя на мысли, что лицо дружинника мне знакомо. Да, я его определенно уже где-то видела. Но вот где и когда?

Между тем диалог продолжается.

— Может, у меня список нет идти? Может с слабым, как музат? — Вроде надо улыбается и засовывает руки в оттопирные карманы брюк. — Тогда что? Возьмите руки за ручки? А потом обеспечте манной кашкой на пятачок суток?

— Возможно. А пока вынь-на руки из карманов, — все так же, не повышая голоса, требует дружинник.

Очевидно, именно этот тон действует на доглаголющего, потому что он, правда, не спит, но все же выглядит раши из карманов. И тут я снова припоминаю эту манеру говорить. Мне она тоже кажется очень-очень знакомой. И снова не могу вспомнить, откуда именно.

— Слишком уж ты с ним церемонисься, Борис, — не выдерживает одна из девушек. «Борис Неужели Найденов»?

— Борис Михайлович! — кричу я и вскакиваю со скамейки. — Упалете? Тот, кого называли Борисом, быстро обрачивается в мою сторону.

— Да, — говорит он, чуть-чуть помявшись, — узнаю. Рад вас видеть.

И, как назло, именно в этот момент объявляют, что поездка на нужной мне поезд задерживается. Я подхватываю свой чемоданчик и устремляюсь к выходу, но останавливаюсь с Борисом и двумя словами, и только успеваю на ходу записать телефон Найденова...

А потом, лежа на верхней полке, под стук колес и начинаю вспоминать все с самого начала.

У истоков равнодушия

...Я сидела тогда в зале судебного заседания, где слушалось уголовное дело учителя детского класса «В» извест тридцать четвертой московской школы Бориса Найденова.

Каазалось бы, банальная кража. По суд заинтересовался не столько тем, КАК было совершено преступление, сколько ПОЧЕМУ стал подросток на школьной улице...

Исток речи весьма точно обозначается на географической карте. Установить, откуда берет свое начало бела, куда трупное. И все же чем дальше идет судебное разбирательство, тем яснее становится: истоки беды — равнодушие. И хотя на сцене подсудимых сидел поинтересный только один юноша в непрозрачном изумрудном пальто, до него и прежде уже судили много равнодушных. До этого равнодушие представлялось мне эдаким существом без пола и возраста. Познавательно и полевными, выигнает оно одинаково безучастно добру и злу.

Но здесь равнодушие выглядело иначе. До неправдоподобности иначе — ведь оно выступало в обычных вещах и учителями. Я знал бы оно ни приключилось, — одна то и дело пыталась в угол наклонить от себя платочек, а другая смущенно протирала запотевшие ленице, — обе они, без сомнения, были лишь равнодушными свидетельницами, на чьих лицах казался лишь обыкновенный нажим по статье Уголовного кодекса Борис Найденов.

...София Андреевна вышла замуж вторично. Но куда девать третельного сына? Казалось бы, кому, как не родной матери да к тому же воспитательнице детского сада, заняться воспитанием собственного ребенка. Но нет, Борис переходит из рук в руки, то в одной школе, то в другой. Так случается, что в тринадцат лет он попадает на воспитание к бабке по материнской линии, хотя о «слабости» старухи знал весь дом.

— Опять вонет! — выдкхалась соседка, заставляя грохот посуды.

Из комнаты вылетал Борис и кубарем скаптался с лестницы. Вонючую ему летели тяжелые предметы и брань... Ишь выину, а подольше можно было выинуть отдаленности. По горькому опыту Борис знал: пыльная бабка на холод не ползает, но продобреинуть всю ночь напролет. Надо искать ночлег. Конечно, ближе всего к матери — она и живнет через двор. Только кто не стот: мать-терина сверекзало хлопнет перед его носом дьявело, а потом на лестницу выскочит сама мать и начнет его слезно уришивать похвастать куда-нибудь, ну хоть в д-ворнойдот тетьке или тюрорудной дядьке...

— Урока не выучил, — красная на следующее утро перед педагогом вызванный л довец Борис. — Не могу.

Почему не могу, почему пришел без тетради, без книг, в матой одежде — никого почему-то не интересовало. В журнале просто появлялась очередная двойка, и дело с кончатся.

— У нас, видите ли, близкого контакта с Борисом не установилось. — Классная руководительница Зоя Викторовна Левина в который раз принимает теретьби ленице. — Хотя, знаете ли, при встречах в коридоре во время перемены и всегда, поинкаете ли, считала своим долгом поговорить с Найденовым всерьез.

— Всперье? Во время перемены? В коридоре? — уточняет судья. — Любопытно. Ну, а как, впрочем, устанавливался контакт с матерью?

Зоя Викторовна откланивается и протягивает для ознакомления отчетливые Найденова. Что и говорить, немало было извлекено красных чернил на гипсовых свидетелях с многочисленными восхитительными и вопросительными знаками. Но сколько ни листай — ни под одной из них так и нет подписи матери.

— Да что там дивинки! — возмущается учительница. — Эта маманя не поехала ни одного родительского собрания!

— Тем больше оснований для беспокойства у вас имелось, — ренанцирует судья. — Но, как говорит подсудница, если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету...

Да, в конце концов классная руководительница сделала этот шаг, шаг в прямую сторону от слова, но Найденов жил буквально напротив школы.

В неприбранной комнате, развалился на кровати, прямо в грязных ботинках, хрюкал ее ученика.

— Как выжный мертвый, когда-нибудь да проснется, — со знанием дела поинсала Борисова бабка, существовавшая старуха с по-дорительной красоткой носиком.

Классная руководительница аккуратноней-

ко отменяла у себя в тетрадке: «Поскольку Найденю на дату состоялись». И вынесла очередную голую...

Только в зале суда впервые встретились мать и учительница.

Потом, когда встал на экран экран пред- ставителя комсомольской организации, я, к своему великому удивлению, обнаружила, что равнодушие может быть и совсем еще юным с наивными голубыми глазами и ровными щеками.

— Но кому могло прийти в голову, что Найденю — комсомолец, ведь он ходил без значка?! — Секретарь комитета комсомола была уверена в своей великой логике.

...Судебное разбирательство подошло к концу.

Суд усталился для вынесения приговора. Я попытался, почему так затянулся разговор в совещательной комнате: ведь сейчас там решалась судьба человека семнадцати лет от роду. А что станет с этим человеком дальше, не могло не беспокоить и судью (Сысова, который и сам был отцом малолетней девицы, и прокурора Гольдберг, сын которой был сверстником обвиняемого, и заседательницу Нишину — мать двоих детей, и заседате- лянку Захаревскую — равнодушную душу иную). Да, то был суд родителей. И при этом роди- телей не только строгих, но и справедли- вых.

Но вот раздается хлопок строго: «Вста! Суд идет!» В приходе зала оглашается приговор.

— Смотрите же, Найденю,— судья лобор- зовительно напустился на Бориса, который так и не поднимает головы,— оправдай яна до- верие. И будем надеяться,— на этот раз судья обращается в зал, где сидят свидетели,— что дело Бориса Найденю заставит задуматься не только его самого, ибо если са- мому Найденю был вынесен условный при- говор, то равнодушные мы осудили безуслов- но...

Амнистия не подлежит

...Помнится, я вышла тогда из суда в са- мом оптимистичном настроении. «Жиз те- перь-то все, безусловно, пойдет на лад»,— ду- мал я.— Борис, для которого тяжелейшую, конечно, не прошел даром, придется навер- сывать упущенное. Испонения раскаяния мать забреть его в себе. Классная руководи-тельница, основан печальным инци- дентом, не спуская с трудного ученика зама- ского, но дружеского ола. Комсомол со всей энергией, присущей молодости, разовлет потраченную чуждость и невзлуду досела инициативу». Словом, я уже представляла себе свою будущую статью под заголовком «Борис Найденю находит себя заново».

Не было этого. Ничего такого не было, но... — Нога его больше в школу не ступит,— безапелляционно заявила мне заведующий частью, когда я неделю спустя навде- лась в школу.

— На диле мы будем исключать его из комсомола,— твердо объявила меня секр- тарь комитета комсомола.— Раз есть суди- мость это, оказывается, делается чисть меха- нично...

Я была ошеломлена. Я решила поговорить с матерью Бориса.

А Софья Андреевна негу. С мужем в атели, усталый, сползающий, отвечает повизда женщина с рыжим зяном. — А Борис дома?

На лице женщины сразу появляется серди- тое выражение.

— Борис? А он б в школу и идт, к Борису- то. Он ведь не здесь живет, а у бабки своей...

Идти к бабке не пришлось. Я увидела Бори- са в сыром и темном, как погреб, дворе,

где валяло-то валикообразные парки, уде- лочная и сверхсложная, голыми голубей. Воле помойки шла азартная игра — рабушкин, засаленные карты шлепались о камень. Бо- рис стоял посреди двора и, судя по всему, раздумывал, к какой компании прикннуться.

У меня голова пошла кругом: в ту пору и была еще начинающим журналистом. «Как же так! — возмущался я, бросаась в пис- менному столу.— Еще дается часов двадцать равнодушные было публично осуждено. При- говор вынесен и оставался в силе,— равноду- шие амнистия не подлежит. А на доверии вышло, оно по-прежнему осталось безнака- занным...»

...Обо всем этом я и написала тогда в га- зете.

Двойник Бориса Найденю

...На следующий день после опубликования статьи ко мне в редакцию пришел незнако- мой молодой человек.

— Именно вас я и ищу. Я, видите ли, Бо- рис Найденю.

— Я, конечно, не помню, как выглядела посетите- ля. Нет, тут явно какое-то неоразумие: ведь Борис Найденю семнадцати, а этому все двадцать пять. Притом Борис — бондизн, а этот бродяга.

— Это же мне и тоже Борис и тоже Най- деню... Одним словом, двойной тежка.

После прихода зал, который в рас- терянности никак предложить и двойной тежки, ушедши избулочку, начинает рассказы- вать о деле своего прихода в редакцию. Вчера, когда он, Борис Михайлович Най- деню, конструктор Института по проектиро- ванию выских учебных заведений, сидел в своем бюро, к нему подошел один сотрудни- кин и протянул газету. «Прочтите,— гово- рит,— здесь, между прочим, о вашем однофа- милице пишут».

Борис Михайлович прочел газету, ра- зом другой. Выходит, так и не нашлось ниче- го, что подумал бы о будущем мальчишки, помог бы, поддержал.

— Не успел я принять какое-нибудь кон- кретное решение,— говорит Борис Михай- лович, как зазвонил телефон. Меня пригна- нили в нагробю.

На столе у Сергея Николаевича Михай- ловича, секретаря партийной организации нашего института, я увидел ту же газету.

«Читайте!» — сирчала он.

«Да»,— кинула я.

— Разговор у нас был недолгий. «Какже бы он ни был, этот Найденю, плохой или хо- роший, я, в первую очередь, неспасибо, не- мочь ему, судя по всему, не торопится, в та- ких случаях каждый день باید دور... Знаете что, позвоните-ва мы сами к Борису. Конечно, мог бы позвать его другой, но, кумака, лучше всего вам, раз случилось так, что оба вы Борису и оба Найденю. Может, это поможет вам быстрее сблизиться. По- смотрите сами, какая тут обстановка, что за мальчик. А потом известе поразмысли- те, как дальше делать...»

— Я, конечно, согласился,— говорит Борис Михайлович.— Только вот с алресом возни- кло затруднение.

— Попробуйте, пожалуйста, — тороплю его я.— Пожалуйста, напишите. Только как-нибудь на дилх непременно зайдите в редакцию: очень хочется знать, чем все кончилось.

Борис Михайлович слово принял в редакцию. Он признался, что, когда шел к Борису, чувствовал себя нелепо. Как-то встретил не- признанного тогда у Найденюху. Может, про- сто скажут: «Не вмешайтесь не в свое дело»?

Борис породавал Борис Михайловича с

первого взгляда: сдержанный, подтанувый. Правда, замкнул, пожимает лачишнее. Имя, видно, такко переживает случившееся.

— Они долго разговаривали, два Бориса.

— О чем — уткую,— говорит Борис Михайлович. Это уже наши с вами секреты. А договорились мы так: Борис засадет на книги и с моей помощью, а если потребует- ся, с помощью других товарищей из нашего института станут готовиться и ознакомлен- ным инструментальной техникум. И в рабочей мы ему, конечно, тоже поможем. И с комсомол- ном стараемся уладить. Мы уже связались с Дворжакским райкомом ВЛКСМ. Дело об исключении Найденю там еще не разбира- лось. Райкомовцы пообещали помочь Бо- рису...

Конечно, что будет дальше, трудно ска- зать. Но, думаю, что в ближайшее будущее судьбу нашего труднее, чем учебные заве- дения.

...И вот спустя год я решила узнать, что произошло в Борском зале.

Борис Михайлович сдержал свое слово, подготовил своего подшефного в техникум при заводе «Калибр». Катая, на том же за- воде Бориса устроили на работу.

Пять—больше, чем сто

...Обо всем этом я и вспоминала в после, под стук колес. Сколько же лет пронесло с тех пор? Шесть? Семь? Нет, пожалуй, все десять. Срок огромный. За десять лет выполняются два пятилетних плана, означившая пошлая средняя школа. За эти годы я потеряла на виду обоих Борисов. И вот теперь случай снова свел меня с Борисом-старшим.

Мне не терпелось узнать о дальнейшей судьбе обоих Найденюх, меня снова верну- лись в подпитой когда-то теме. И, верну- лись в Москву, я сразу же встретилась с Бо- рисом Михайловичем.

— Что со мной произошло в эти годы? — Борис повторяет мой вопрос и задумывается.

Мне трудно назвать его по имени-отче- ству: Борис очень мало изменился и выгладит все так же молодо, хотя ему уже три- дцать семь. Но он, наверно, так и неогда и не обрестет солидность, хотя на двери ка- бинета, в котором мы сидим, и значится: «Борис Михайлович Найденю, помощник министра».

— Неужели, ничего особенного со мной не произошло,— улыбается Борис.— Ну, са- мо собой разумеется, окончил без отзыва от промышленности институт. Само собой разумеет- ся, учился в Высшем институте, само собой разумеется, работаю на интересной работе.

Послушать его, так все выходило дейст- вительно само собой разумеющимся: и то, что имелось у него множество общественных и партийных нагудом, и то, что женился он на славной девушке по имени Лена, и то, что родился у них сынчишка, «маленький, но крепкий». Но по поводу лих все и было уже таква само собой разумеющимся, что во все- го этого и состояла его, Бориса, жизнь, ко- торую он просто и не мог себе представить иначе?

— Ну, а как познать Борис-малень- кий? — спрашиваю я и ловлю себя на мы- сли, что «маленькому» теперь уже около три- дцати.

— Мы с ним давно не виделись,— с сожале- нием говорит Борис Михайлович.— Заку- рились с разными делами. Когда Борис пере- шел на третий курс техникума, у меня са- мого как раз предстояла защита диплома. А потом появились различные другие Бори- сы. Между прочим, и тот парень, которого тогда задержали на вокзале, тоже предло- бный индивид. Если вам интересно...

— Да, само собой разумеется,— и неволь-

но употреблено любимое слово Бориса, — само собой разумеется, мне интересно.

Ты вот, чуть ли не полюбил Наиденова. Подговаривать начал, оказался самым что ни на есть настоящим бродягой — ни документов, ни места жительства, ни определенных занятий. Сперва он только задирался: «Хватит-те, скажите, вам ведь только бы засадить человека, а зачем, почему, вам до замочка-то. Однако его, Бориса, такого рода остроумия ничуть не смущали. По опыту знал, прятаться с анкетами давшими сразу не следует. Надо прежде так успокоиться, связаться с обстановкой. Поэтому он предельно малому для начала умыться, а когда тот, не слышного, правда, откопал, но все же отнял свою чудовищную физиономию и прическу, раскрасил выхры, он сразу как-то утратил всю нагловатость.

— Да тебе-то, собственно, что до меня? — поинтересовался он. — Для я тебе брат? Или я тебе сыт? А может, ты за чуждость надбавку к зарплате получаешь? — слышали он вод конен.

Однако Наиденов продолжал терпеливо, по-доброму разговаривать с ним. И на утро перенял рамиан. Рассказал: зовут Анатолием, фамилия Силин, лет — шестнадцать. Профессия? Профессия, как в шесте поется, а за такую простуженным, охрипшим голосом:

Бродяга я-а-а-а.
Бродяга я-а-а-а.
Ничто мне не идет меня.
Не идет меня... —

и, резко оборвав песню, бросил:

— Ну, а уж если бродяга, значит, и вор, ведь человеку есть-пить надо. Хотим знать, что заставило? А если у тебя, и примеру, есть — плечуца, отчего тебе плечуца и если тебе только и делаю, что был чем ни понабе, ты что, не убежишь куда глаза глядят? Вот я и убег. Попал в детский дом. Озабоченный был, как вочном. Всей не до меня, всех не хватало. Особенно заботился. Ну, ясное дело, и доставалось же мне от них! Я и оттуда убег. Бегал, бегал, пока не добегал до колонии. Пути зряжного солдата, ни на какое не поросенности не подалась. И опять да в путь. По какому только дороге меня не мотало! Спал где придется. Ех что понадег. Воровать научился. Вот тогда себе эту штучку и вытравил. — Анатолий залаял ругая и посылал физиономию тагу-року: «Нет счастья в жизни».

— Только знаешь, — Анатолий подымаю голову и в первый раз за время, что шел их длинный разговор, посмотрел Борису прямо в глаза: — счастливее мне такая жизнь. Вот да тебе честное слово, хочешь верь, хочешь не верь, а только я больше месяца воровством не занимаюсь. Потому и на меня слезу. У меня в карма-но — зонь на аркане. — И он быстрым движением вывернул карман броек. На пол посыпалась всякая ерунда, но денег действительно не было. — Не мог я больше красть, сказал он тихо. — Прогно-но стало. Вернуть?

— Почему же не поверить?

— Так вот, слушай меня, — горачо продолжал Анатолий, — задумай я начать твою жизнь. Уже месяц, как задумал.

— И правильно задумал, — подкирдак его Борис.

— Мечта у меня есть, — все так же горячо привнес Анатолий, — уехать на родину. Обосноваться там, заняться, как все люди, ну что дело по душе найти. Ручище-то у меня смотри какие здоровые, а делать ничего не умеют. И еще мечтаю — научиться на инженер! или хотя бы на техника. С технической у всех на виду под ручку колить буду, и что она меня не стыдилась, и что всладе никто не орад: «Вот вор пошел!» Хорошая у меня мечта?

— Хорошая, — улыбнулся Борис.

— Только вышла у меня с моей мечтой загвоздка. — Анатолий с досадой начал ерничать выкор.

— Какая может быть загвоздка? — удивился Борис. — Самое главное — решиться.

— Главное, да не все, — напустился Анатолий. — Я уже знаю, сколько над этим голова, дудал, веред треснет. Делать для моей мечты требуется, вот что. При-

знаешь тебе, я те деньги за одну ночь, хоть сегодня же, раздобыть могу. Да не хочу. По-нимаешь, не хочу. — Анатолий так иронично по сломам: — Не хочу, потому, скажу, новую жизнь надо с чистыми руками начинать.

— И правильно считаешь, — подтвердил Борис.

— Правильно-то оно, может, и правильно, да только заколдованный врут получается, — и пошевелил, как бы взвешивая, говорит не говорит, сам, наверно, поинимая, что врад ли ему может поверить, а все же решил: — Прочту тебе, будь другом, выручи — одолжи сто рублей. Поинимаю, денег больше, да и я кто я, собственно, для тебя? Первый встречный и только. Но ты поинформиру. Прочту тебе — поинформиру. Слово даю, не по-веду. Я тебе через четыре месяца все верну, тытедься в тытедься, и учти, но из вор-вончмак.

Видя, что Борис молчит, и понимая, что означает его молчание, Анатолий прибавил тихо:

— Знаешь что? Если ты даже не дашь мне денег, не дамуй, я не обижусь. Не знаю, как ты, но я-то в тебе поверил. Поинимаешь, у меня такое чувство, что раз уж ты поинимался в моей жизни, значит, я непременно выкарабкаюсь. Как, что, пока не знаю, но выкарабкаюсь.

— Вот тут и я принял окончательное решение — говорит Борис.

— Значит, вы ему поверили? — спрашивает я.

— Поверил, — кивает Борис.

— И дали первую авантюру такую огромную сумку? — И с изумлением смотрю на своего собеседника.

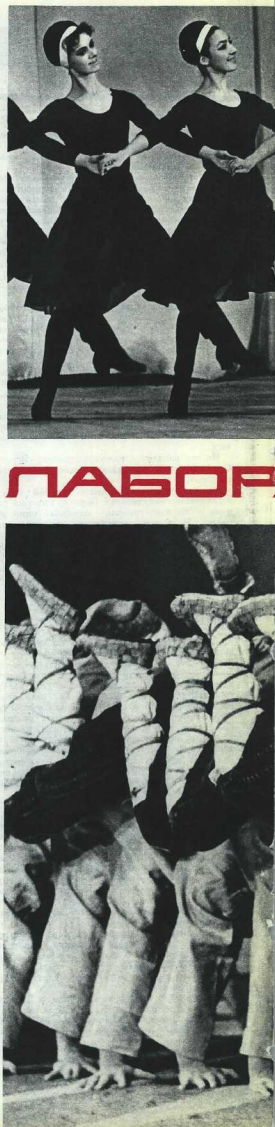
— Но разве доверие измеряется в денежных единицах? — вопросом на вопрос отвечает мне Борис. — Нет, денег я ему не дал. Такой сумку у меня просто не было. Мы только что переехали поинформировать и обзаводились мебелью. Впрочем, если бы она у меня даже и была, я бы их ему все равно не дал. Но не поинформиру, совсем не из боязни, что Анатолий мне их не вернет. Мне почему-то кажется, что он бы их как раз непременно вернул, голодомым был сидел, а вернул. Просто я стал разминчивать логически. «Зачем парню поинформировать деньги?» подумал я. «Он сам сказал, что бы устроиться на работу и начать жить поинформированно». Вот в этом и следовало ему помочь. Я договорился с нашим Шахтросом в Воркуте, что прикут его на работу, обеспечат: обещанием, ну и, само собой разумеется, поручился за него. А потом купил мы ему билет и посадили на поезд. На дорогу я ему, правда, сузил интерес. Только и всего.

Только и всего? Нет, яры считают математику точной наукой. В данном конкретном случае те пять рублей, что Наиденов дал Силину, поинформиру, оказались намного больше тех ста, что он у него просил.

Помалуй, история с Анатолием Силиным и какой-то мере напоминала историю с Борисом-младшим. И теперь я уже твердо знала: буду снова искать об остужившихся подростках. Только на этот раз подоскальнее, поглубже, пошире. Конечно, яли, как говорит Борис, само собой разумеется, я не по-ложу у апаши истории и не паучу с нашей природствительности Емь, которая, если верить библейским утверждениям, была самой первой женщиной, нечистой на руку. Не собралась я и анализировать хулиганские поступки, начиная с первого безобразного малюго по имени Сатана, который на-за злохого надзора бога-отца впадомя немало درد. Нет, меня интересет сегодняшний день. Пусть же не очень много, сосвояннннх на обучию, но они есть. Что же исковеркало их судьбу? И что надо сделать, чтобы такие подростки не стали преступниками?

— А почему бы вам самой не поинформироваться вплотную с работой детской колонии мизинин? — советует мне Борис.

— Детская колония? Да это как раз то, что мне надо! Отличная мысль... — И тогда, следуя своему востановленному правилу — брать материальное только своими руками, я решила стать мизинцевским инспектором...

Своей новой программой Моисев как бы приоткрыл занавес над тем, чем интересны никогда не видят над повседневной, нередко ансамблем, над его трудовыми буднями.

Каждое утро в артистический подъезд Концертного зала имени Чайковского водят или вбегоут, в зависимости от темперамента, девушки и юноши. Поднявшись на четвертый этаж, они идут переодеваться в уборные, где всегда шумно, по-молодому озорно. Но без двух-трех минут десять все раскисает по этажам залопыта репетиционные залы...

Вот они стоят на эстраде перед нами, совсем как в репетиционном зале, вдоль палом, которые принято называть «стайками». В черноватых тренировочных костюмах. Подтанутые, полные сдержанного нетерпения, как бойцы, перед боем.

Началось Движения следуют одно за другим в том же порядке, в каком они продвигаются каждый день в течение всего творческого века танцора. Простые движения сменяются более сложными, заставляющими работать все большее количество мышц, развивающими их гибкость, упругость, выносливость. И хотя танцоры выполняют упражнения почти без всякой эмоциональной окраски, но сама красота движения, великолепно подчеркнутая строгими черными силуэтами фигур, идеальная синхронность исполнения и все нарастающий темп постепенно создают впечатление победы преодолеваемых препятствий.

И вот тогда Моисев поназдал зрителям, на что творчески способны его танцоры. Тут только и началось самое главное.

А самым главным в искусстве ансамбля всегда было танцевальное воплощение человеческих характеров. На глазах у зрителей происходит этот процесс возникновения танцевального образа.

Сначала перед танцорами поставлена сравнительно легкая задача: представить мимикой и пластикой, а также не раскрытые сложные характеры — искусство видения немного застенчивых, невинных чинных, невинно лукавых девушек и их небрежно-уверенных кавалеров, лихо играющих на гармошке. Истаети ответим, что и эти искусствам должны владеть артисты ансамбля.

Потом нам показывают их умение передавать особенности различных национальных танцев. И вот танцоры по-прежнему не мелят ни своих тренировочных костюмов, ни грима, но благодаря их способности и пронизыванию эстетически выразительной строй тачки, благодаря воспитанному в них «абсолютному слуху», позволяющему улавливать все пластические черты той или иной национальности, от танца и танцу преиспитое подлинное перевоплощение в украинцев, болгар, грузин...

Некогда начался «Арагонский танец» с маленькой группой одаренных, но сравнительно слабо подготовленных танцоров, Моисев в течение трех десятилетий добивался профессионального роста коллектива. Кадр ансамбля пополнялся уже не случайно, но главным образом из выпускников созданной при ансамбле школы. В ней учились почти все, кто сегодня работает в ансамбле. И Илья Бендеренко, блестяще сдержанно элегантно владеющий исполнением «Арагонского танца», и совсем молоденькая Илла Томидана, запомнившаяся в «Сиче лианской тарантелле», и одаренный комедийный актер Николай Косогоров.

Но и те, кто, как Илла Томидана, красавица и обязательная танцовщица, получившая в другом месте, по существу, завершили его в ансамбле.

В «Сюжетных играх» виртуозная танцевальная техника, владение акробатикой, сочная легкая пластика — все помогает балетмейстерской фантазии раскрыть тему народного бунтарства, а именно танца являвшегося и были скоморохи на древней Руси.

С первых танцев наступления, когда между складками занавеса в глубине эстрады начинают появляться одна над другой свечеющиеся скоморошьи рожи, а последняя, высочайшая где-то на самом верху, особенно озорно трясет красным колпаком с бубенцами, сразу же возникает атмосфера легкого веселья.

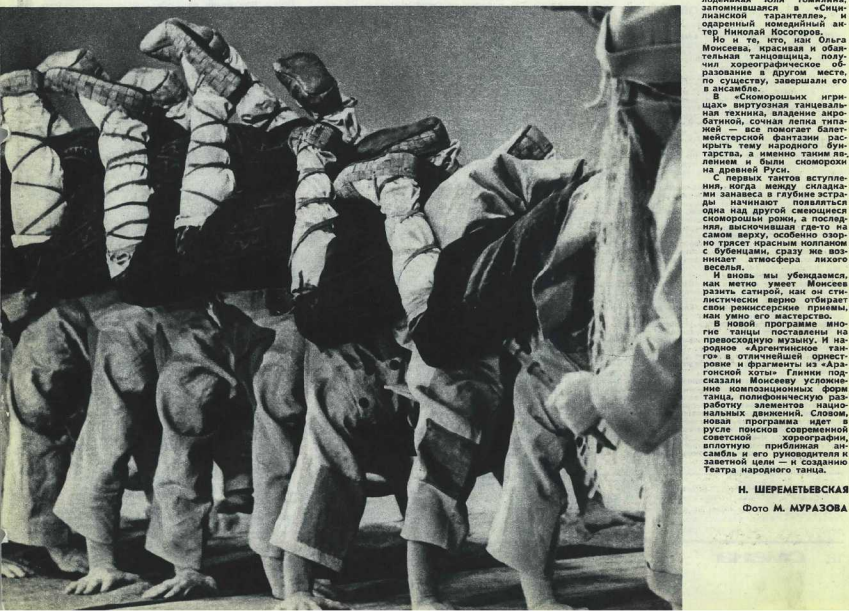
И снова мы убеждаемся, как метко умеет Моисев разить сатиру, как он стилистически верно отбрасывает свои режиссерские приемы, как умно его искусство.

В новой программе многие танцы поставлены на превосходную музыку. И народное «Арагонское танго» в отличнейшей оркестровке и фрагменты из «Арагонской хаты» Генки подсадили Моисеву усложненные новаторскими формами танца, полифоническую разработку элементов национальных движений. Словом, новая программа идет в русло поисков современной советской хореографии, вплотную приближая ансамбль и его руководителей и зрителей цели — и созданию Театра народного танца.

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКИЙ

Фото М. МУРАЗОВА

АТОРИЯ ТАНЦА

ПОВЕСТЬ

ЦИФРОТЕЛЕГРАММА.
Москва. Уголовный розыск.
Готовы встрече. Подтвердите вылет знакомо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИЗЕД

Казак

Казанов сбегал по трапу самолета, остановился и медленно, с христом потонулся. Ему хотелось пить, кричать, тащить. Он едва удержался, чтобы не пуститься в плес прямо здесь, на широких плитках аэровокзала.

— Момеши ты хоть в отпуск не съездишь! — кричала он женой, недоуменно голос.

— Витенька, скорее, опять же будем последним — причита маленькая женщина, которая одной рукой ткнула возвращающего за руля, а другой прижимала к груди многочисленные свертки.

Казанов сочувственно посмотрел на женщину, по-мальчишески подал носик маленькой камешки и, засунув руки в карманы брюк, пошел к зданию аэровокзала.

Пусто только две недели, но он будет отдавать им, ему хочется. Казанов погучил Чеговады и, нахвистывая привазающуюся еще в Москве мелочью, вышел на площадь.

Он смотрел на своих съезжающих попутчиков, которые дружно осаждали несколько такси.

Водители стояли около машин, оценивая все разглагольствуя претензии. Потом, выслушав, стеровались, лениво обходя машины и открывая багажники, Отпусники згипкали вещи и расселись сами. Наконец, последние машины, гулкою осев на рессоны, увезла свою добычу от аэровокзала. Казанов равнодушно посмотрел ей вслед.

Начать отпуск с похлой сакнажи за место в тесной машине не хотелось. Он подхватил чемоданы и зашел в ресторан.

«Ее «Араган» и даже не «Прага», — просмотрев более чем сороковое меню, подумал он.

Развалившись на стуле, Казанов пролистывал нетерпеливой официантке заказ: икра, икра, икра, офсетные. Икру он не любил, пить в танюму жрату, да еще с утра, не хотелось, в бифешет в этом ресторане он не верил. Но нужно же было как-то отглагольвать начало новой жизни, и тоторой он отгулял несколько лет.

Человек сам творец своей счастья — эту формулу Казанов старался выполнять всегда и по возможности.

Он чуть расслабил язык гастриту. Теперь можно позволить себе быть нетерпеливым. Медленно потягивая ароматный коньяк, он в который уже раз задумо составлял распписание предстоящего отпуска.

Казанов вынул из кармана маленький календарь и пересчитал дни до числа, обведенного в календаре карандашом. Хоть слева направо, хоть справа налево — все равно дескать. Потом придется забить и море, и пляжи, и даже десюкес.

Казанов допил рюмку, полонил деньги на стол и вышел.

Вначале поклязосал, что рассчитан он правильно, на свободные такси рядком стояли у траггара. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что кучино машина только одна, и та уже занята. Счетчик выводит пран, подруги дремлет, а пассажиром на видном.

— Пошейте билет, — поиния пробудившийся надо водителю и снова надвинул фуражку на глаза.

В это время и машина пробудила мужичка. В руках у него топоришник закатые между пальцев застывшие бутылки вина.

«Пару уже выпили», — ответил про себя Казанов, глядя на великие капли пота, обильно выступившие на лысеющей голове незнамокого. Тот, не обращая на Казанова внимания, аннутировал указкой принесенные бутылки на заднее сиденье.

«Трунники села на заслуженном отдыхе», — подумал Казанов, разглагольствуя старенную, потемневшую между лопаток тенниску и широкие поношенные брюки.

— Готово, — Удовлетворенно буркнул мужичка, выпрямился.

Только сейчас Казанов заметил, что любитель пива был еще лишь по плечо.

— Вы случайно не в город? — спросил Казанов.

— Случайно в город, — ответил любитель пива, подним на Казанова светло-голубые глаза.

— Меня не прихватить, товарищ! — Казанов почувствовал науку-то неуверенность под пытливыми взглядами овец светлых глаз.

— Прихватю, товарищ, — весело ответил иресь. Отчего не прихватить, если по дороге, — продолжал он, закуривая.

— Тогда винюточку, и сбегая за вещами, — уже на ходу сказал Казанов.

— Можете даже сходить — на работе набегались, — услышал он одобрную веселую голос.

ЦИФРОТЕЛЕГРАММА.

Москва. Уголовный розыск.

Проверьте сообщите не изменилось ли расписанье иностранцев.

Приходько

Машину заносило на поворотах, и Приходько, встал на заднем сиденье, пытаясь удержать сползающие бутылки. Лязг расклеванных машин, визг тормозов и головная боль действовали на нервы. Надо же было вчера наярывать Вол себя, как мальчишка. Хорошо, хоть Поддымов не приехал сегодня, чтобы быть бодь.

Вспоминив вчерашний день, разговор с Поддымовым, почувствовал, что оказался таким неосмысленным и замалчиваемым.

«Не совсем твой профиль», — закончил разговор Поддымов, попутничая по ладони очкамы, — но, учитывая опыт, думаю, справитесь».

Вспоминив, что в это время разешенном и принятю. Это уверенный тон повирался Приходько, и он согласился.

Машину тряхнуло сильнее обычного. Приходько прижался рукой бутылки, устроился поудобнее и стал смотреть в окно.

Трунники бурлили что только месяц прошло с того дня, как он вылезал на строительство места. Кажется, было бы это давно-давно. А сейчас машина, снорость и шепотом море. Пона все отключено. Приходько не любил заглядывать далеко, считая, что все строится по интрижке, лютно, один к одному, каждый на своем месте. И Поддымов такого же мнения. Так и сказал, когда отстранял Петра: не браться нервами, не заглядывая в несчастье дело, спокойно работай сегодня, а завтра работаешь еще спокойнее и силнее.

«Место он с Петром, но правильно. Нельзя неосмысленно рисковать и работать на глазах нелицез. Вообще, если быть справедливым, Поддымов — мужик крутой, но ужиться с ним можно. Вечер, вручая Приходько билет и документы, сказал сухо: «Море, дорогое, а потом мы с тобой разведемся. Главное, хороший старт». Нет, старт один, ари работа говорит, что зверь».

Приходько занурил и посмотрел на своего попутчика. Тонкая шея, розовые уши торчат, словно лопухи, просвечивают тесные прожилками.

«Томе отыскать хочит, — подумал о нем Приходько с неопределенной симпатией. — Что ж, кандово свое», — вспомнил он любимую фразу Поддымова.

Отпустил стелю еще ниже, он жадно выпитый свежий воздух. Грязь и песок, солнце и дождь, мороз и ветер, серые лива — все гадать.

— Хорош! — произнес он вслух.

— Хорош, говорю, — попутчик сферируется.

— Хорошо, говорю, — покосил Приходько на выпячивающее ноздря поворота море — и давайте знакомиться — ведь мы сейчас молотки. Приходько Иван Николаевич? — и проткнул рулею.

— Казанов Игорь Лаврович, — ответил попутчик. — Простите, а почему коллеги? Вы тоже юрист?

— Я инженер, инженерный, — ответил, смелься, Приходько. — А на мураторе все молотки, да вы иносильное трудовое здание отпусников.

— Фришт тоже неплохо, — обделся Казанов, — особенно тот, который ледяной надрывает облатю, а не тудя, — поиниял он нестами, что такое «тудя».

— Ну, это ты брсь, — вмешался водитель, — есть возмущение, что их следует только два, никаких облатю.

При слов «обратном» он законил ликой визир.

Приходько, завалившись, чуть он выдвинул дерицу машины. Обратный визир мгновенно вернула его и мигнул.

Казанов, скланившись одной рукой за спинку сиденья, поиниял, что в воздухе.

— На дорогу смотри, — выдвинул он, — людей везешь, убица! Разобьешь — в тюрьму поседит, разлетит это есть. — Туда, — флегматично буркнул водителю, — только тебе это будет уже все равно, — добавил он, выключив стелю и закончив свой оторуд.

«Да, дорога здесь не для нервного», — подумал Приходько.

— Верно, много денег везешь, — начал опить водителю, поиниял Приходько в зеркало — «мощной — они все пугливые. Наш брат, шofer, это что фальш-бланк».

— Вот напугую твоему начальству, — Казанов постукивал пальцем по указателю адреса — а в телефона таксопарка, — что ты смотришь не на дорогу, а в карман пассажиру.

ЕВРОПА, ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Б. КОРОЛЕВ

Фото Ю. АБРАМЧИКНА

Веселое объединение «Автоэкспорт» приняло смелое решение устроить рекламный автопробег по европейскому автомобильному рынку. Автокараван из двадцати двух машин прошел по городам Австрии, ФРГ, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии. Выставка на колесах рассматривала свои импортированные экземпляры под небом двадцати пяти европейских городов.

По необычайному капризу природы случилось так, что приезд автокаравана совпал с появлением солнечной погоды, по которой так соскучились жители Европы. Ее все лето нещадно полоскали дожди. В Бельгии говорили: «Наверное, Бог вступил в коммунистическую партию!» На что местные отвечали: «Просто они взяли с собой солнце — видите, какие у них мощные самовалы!»

В автопробеге участвовали корреспонденты АПН Б. Королев и Ю. Абрамчикна. Первый даже во сне не расставался с блоком, второй — с фотокамерой.

Солдатская память

Мы довольно часто встречали их на дорогах Австрии и Западной Германии, этих пожилых людей, бывших солдат, которым пришлось воевать на русском фронте. Они радостно и гордо представлялись:

— Я был русский плен! — И тут же выпаливали любимую фразу, выученную в плену: — Ничего — скоро домой!

Один ветеран очень долго убеждал Николая Подгульнова, испытателя автомобилей с ЗИЛа, что тот взял его в плен под Калининном.

— Не брал я тебя в плен, — втолковывал ему Николай.

— Ну, брат, камрад, — настаивал немец. — Так много взял в плен, что тебя что-то запомнил.

Остався добавить только, что Николаю Подгульнову по молодости лет воевать не довелось.

А война все-таки нет-нет да и напоминала о себе — то мелькает в разговоре реплика посетителя выставки, то подъедет в кояске инвалид вонзаят лет. У одного такого инвалида произошел следующий диалог с молодым парнем. Этот юноша долго смотрел на минские грузовики, окрашенные в довольно блеклые тона, что невыгодно отличало их, скажем, от ЗИЛов. Смотрел, смотрел и громко заявил:

— Не знаю, как они в деле, но уже сразу вижу, что они неважно покрашены!

Старый инвалид в кояске взглянул на него печально и сказал:

— Во время войны, сынок, русские танки тоже были неважно покрашены. И, к сожалению, мне пришлось увидеть их в делье.

— Значит, надо сделать так, — сказал парень, — чтобы по земле ходили не танки, а автомобили.

И все, что слушал этот разговор, согласно закивали головами.

Внимание, танки!

По представлению австрийского торговца багатый западногерманский турист — это корова с

таким нагугненным вымыслом, что стоит только к нему прислониться, как о дно подвойника зазвенит золотые струйки валюты. Горная Австрия открыла туристам все свои прелести, установила цены на товары в западногерманских марках и тек низкие цены на продукты по сравнению с ФРГ, что наиболее сообразительные и бережливые бюргеры ездят в Австрию пообедать.

Наш автокараван покинул Австрию и шел по Западной Германии. Навстречу по автобану неслись немецкие туристы, торопящиеся в Зальцбург. Автобан — отличная дорога. Если бы автомобилям снились сны, им бы снились только автобаны. На этой дороге можно развезать любую доступную автомобилью скорость. Один знак на автобане особенно понравился нашим водителям: «Скорость ограничивается до ста километров». И совсем не понравился другой — на желтом треугольнике черным силуэт танка. У самой границы с нейтральной Австрией расположились военные базы американской армии. Обочина шоссе пестрит указателями «Территория армии США».

Два молодых американских солдата были удивлены, когда возле их грузовика, спрятавшегося за деревьями на съезде с автобана, вдруг остановился целый колонна автомобиль неизвестных номеров. Любопытство заставило их подойти и спросить, что за машины. Когда они узнали, что мы русские, они были поражены. Те самые русские, которых они никогда не видели и от которых они здесь, в Западной Германии, призваны спастись «своимды мир!»

Сержант-негр Джон Бетти и совсем юный солдат Белоурный и голубоглазый Боб Краймер получили от своего офицера задание: пройти по маршруту 500 километров и вернуться в часть к точно определенному времени. Но они проявили военную смекалку, спрятали свой изрядно потрепанный грузовик в тени деревьев и спокойно ждали, когда придет время возвращаться в часть. У них было не меньше часа, и все это время они не отходили от нас. Мы им, видимо, здорово понравились, потому что, узнав, что некоторые из

Катрин, Аллин и Люси хорои:

— А какие девушки в Советском Союзе!

нас читают по-английски, они немедленно прижимают две книжки из казенной Библиотеки и подарили нам.

— Черт с ним, с библиотечкером! — сказал Джон.

Мы подарили ему значок «Автоэкспорт», и он тут же прилобил его на пилотку, сняв с нее батальонный значок.

— Интересно, — сказал я, — кто первый увидит, что у тебя на пилотке советский значок? — Военная полиция! — рассмеялся Боб.

А Джон тоже улыбнулся и сообщил нам, что приедет суток гугуахуа ему обещанном.

Боб сказал, что мы здесь все отчертено и очень хочется домой.

— Но очень хорошо, что мы здесь, а не во Вьетнаме!

Я понимаю, что было бы самым здорово, если бы их везли не было ни в одной стране кроме США, но промолчал из соображений чисто дипломатического такта.

Айлин,

Катрин и Люси

Это, наверное, был единственный случай, когда водитель Анатолий Кудрявцев резко остановил машину на зеленый свет. У обычных шоссе стояла девушка с такими зелеными глазами, что все светофоры замесили моргали, умирая от злостности. Девушка выбрала вперед ладую с позолотенным изверку большим пальцем: она просила, чтобы ее поделали. Надо ли объяснять, с какой готовностью мы отозвались на эту просьбу!

Кинооператор Борис Юрченко галантно распахнул дверцу автобуса. Он пояснил, на которой ехала наша пресс-группа. Девушка бросила в автобус свой рюкзак, но сама садиться не торопилась. Она сложила руки рупором и громко крикнула:

— Катрин-и-и!

Тотчас же из-за шита, рекламирующего продукцию нефтяной компании «Эссо», появилась еще одна девушка. У нее были уже не такие замечательные глаза, а рюкзак гораздо больше, чем у первой. Они встали рядом и прощались прощальным дутом:

— Лю-ю-юси!!!

Немедленно из-за рекламного шита конкурсирующей компании «Шелл» появилась еще одна девушка. С гигантским рюкзаком и абсолютно обыкновенными серыми глазами. С ужасом взглянув на рекламные щиты, сплошным забормотом стоящие вдоль шоссе, и не дожидаясь выступления трио, мы загнали девушек вместе с их рюкзаками в автобус и рванулись вперед догонять свою колонну.

Девушка с зелеными глазами звали Айлин. Три подруги участв в архитрионном колледже Лондонского университета. Они возвращались из путешествия по Турции, куда отправились с целью изучения восточной архитектуры. В колледже им выделили на это путешествие по 25 фунтов, и все эти деньги ушли на паровоз и самолет. Самая давняя из них было мало, и они два месяца еще продали концы с концами, но упрямо косячили по Турции, пользуясь замечательной системой автобустопов. Питались в самых дешевых харчевнях, ночили тоже не в отелях. Погуляли, загорели, обносились до предпоследней степени, но собрали замечательный материал и вот, счастливые, возвращаются домой.

— А есть ли у вас деньги на паровоз!

— Значит! — сказала Айлин. — Мы сидим в лодку и слетаем вниз, что терпим бедствие. Нас возмёт на борт первый же паровоз, идущий в Англию.

Это мы наверняка угадаем. Наши же они выход из этой ситуации, когда поняли, что ни один автомобиль не возьмет трех девушек с огромными рюкзаками.

Наши подруги нам очень понравились. Они мало знали о России и ждали нас вопросы. Мы так старались выжить из их глупую, аскущую ерунду, которой они набрели в своих газетах, что удостоились лестного комплимента «хороших рекламистов своей страны». Мы подружились с ними, поговорили провантом и почили все три разрозненные тачки.

Последнее, что спросил наши гости, было:

— А какие девушки в Советском Союзе? (О мужиках они судили по нас.)

Мы гордо ответили: — Практически неотразимы!

Это просто студенты

Город Антверпен. Ночь. На 22 сентября 1965 год. Невероятная ночь. Это было страшно и неожиданно, как извержение Везувия, от которого погибли три города — Помпеи, Геркуланум и Стабия. Антверпен не погиб, хотя непосвященному могло показаться, что открылся все бедлам и тюрьмы для малолетних преступников. Лавина парней, одетых в лохмотья, хлынула на улицы города. Казалось, единственных, кто сохранился в них человеческого, — это способность передвигаться на двух ногах. Впрочем, многие прибегали к этим.

Прошел первый шок, и мы увидели, что это

Очень трудно в Европе женщине...

Клотильда Ронар не знала строчек Маяковского: «Очень трудно в Париже женщине, если женщина не продается, а служит». Она живет в Брюсселе, не служит, а продается, и ей еще труднее, чем парижанке из стихотворения. Ей двадцать пять лет, и семь из них она каждый вечер дежурит на тротуаре в полуполном перунике, не рискуя выходить на ярко освещенную центральную улицу. Время от времени она забегает в кафе соседнего отеля, чтобы погреться и выпить чашку кофе.

Мы жили как раз в этом отеле, и однажды Клотильда села за наш столик. Из ее печальной истории мы узнали, что конкуренция на европейском рынке любви, будь то в Австрии или Голландии, где проституция если и не считается вполне уважаемой профессией, то признается официальными властями такой же необходимой, как ремесло ассенизатора или продавца

Лавина парней, одетых в лохмотья, хлынула на улицы Антверпена.

самые симпатичные и веселые сумасшедшие в мире. Это был традиционный студенческий праздник — вступление первокурсников в одно студенческого братства. Постановке этого карнавала полагались бы и такие неумные выдумки, как Мейерхольд и Таиров.

Все — горожане выпытали на улицы поглазеть. Полиция получила от мэра рекомендации не трогать студентов и смотреть на их среднечеловеческие проказы сквозь пальцы. Среди этой бушующей толпы много обращенных школьников резким контрастом выделяются степенные фигуры старшекурсников. Они некоронаваны короли карнавалов. Закон праздника предписывает беспрекословное выполнение первокурсником любого, даже самого фантастического требования, предъявленного им старшекурсником.

И вот мы видим, как под балдахином величественно плывет бородатый студент, которого несут, сгибаясь под тяжестью носилок, но крайне довольные вниманием старшего товарища, четыре босые парня.

Двум студентам приказано целовать ноги семи девушкам, которые прокодают по тротуару мимо них. Они делают это с явным удовольствием, и девушкам тоже нравится такая форма внимания. Один некоронаванный ветеран карнавала приказал покорным новикам встать на четвереньки и принести ему пива из ближайшей лавочки. Через пять минут он с подобающим величием принял подношение и сел на телегу, запряженную первокурсниками. С радостным гиканьем те повозились по городу.

Только под утро утихло бошое веселье, и утомленные первокурсники разбредлись по домам с созрившим решением отгратиться на следующий год.

Берегитесь, абитуриенты!

газет, весьма ожесточенно. То же самое в Бельгии и Швеции, где эта профессия весьма процветает на популянтном положении. Молодые девушки продают себя по децимимовым ценам, и конкуренция усиливается с каждым годом, ибо невозможность устроиться на работу затягивает в сеть этой древнейшей профессии все новые и новые жертвы.

— А такой старой, как я, — грустно заметила Клотильда, — уже приходится одеваться потелее; видите, на мне лыжная куртка. Пока найдешь клиентку, промозраешь до костей.

Клотильда вышла на улицу, и ей сразу же пошло. Какой-то мальчик наткнулся на нее, как на телеграфный столб, и понорно потянулся за ней, когда она обняла его за талию.

Маленькая русалочка и утомленные атланты

Славный датский городок Раннерс бросил перчатку всем городкам мира, беззащитнейшим заявив: «Этот город, где следовки, перчатки и девушки не имеют равных на земле!» Я не очень хорошо разбираюсь в следовки и перчатках, а что касается девушек, то скажу только, что в Раннерсе приезжают за невестами из других городов. Единственно, кто может успешно спорить обаянием с девушками из Раннерса, это маленькая Русалочка, которая уже пятьдесят три года тоскует на прибрежном камне в бухте Копенгагена. У нее

есть более чем серьезные основания для грусти: в позарешом году неизвестные преступники отпилили ей голову. Вот уж поистине головоломка! Преступников так и не поймали, голову не нашли и отпили новую, благо сохранилась гипсовая форма. Ободренные беззаказностью, бандиты сняли скальпы еще с нескольких статуй. Их тоже не поймали, несмотря на то, что датская полиция задерживает, а суды отправляют в места заключения шесть тысяч осужденных ежегодно. Одна пятая всех нарушителей закона — молодежь в возрасте от 20 до 25 лет.

Из всех датских пантинтов мне больше всего запомнились скульптурная группа на портале датского парламента. Невероятная тяжесть давит на согбенные плечи атлантов. Немного воображения — и вы увидите, как капли пота медленно текут по гранитным лицам. На плечи своих парламентариев народ возложил весь груз своих забот и тяготы власти—вот что хотели сказать создатели скульптуры. А остроумный датский народ расшифровал это так: «Пантинты неоплатились!».

И тогда без всяких аллегорий становится понятно, почему так тяжело атлантам: адробакс к обычным долгам народ должен оплачивать и

е, и причина не стричь волосы у юнойшей не менее важна, чем у короля Харалда Прекрасноволосого: считается, что этим они выражают социальный протест. Важным элементом выражения этого протеста является также бесшумная бродяжничество по улицам в составе своей банды. Принадлежность к той или другой банде можно определить по лихим лозунгам и рисункам на куртках. Куртки преимущественно американского происхождения. Это модно. Поэтому они стоят дорого. Хозяева магазинов спешат их за гроши на солдатских складах армии США в Западной Германии и с фантастической скоростью продают социально психующим подросткам. Подростки с длинными волосами и американскими куртками, расписанными губной помадой, называют саба модами. В отличие от раггаров.

Раггары более солидные люди и предпочитают более солидные развлечения. Обязательная принадлежность раггера — автомобиль. Чаще всего многоместный американский лимузин, хозяин которого уже готовился взять его на салу. Раггер чинит машину, чистит, красит и доводит до приличного вида. Вечером он в компании с другими моторизованными хлыщами медленно пол-

ли набить детям, как Дворец спорта в Лужниках во время елки.

За команду «медведь» играл кумир всех подростков Яакко Хокканен. Ему двадцать лет, в прошлом году он был включен в сборную Финляндии. Он небольшого роста, и сам еще напоминает чем-то подростка, и только густые черные брови и черные волосы придают ему исключительно серьезный вид. Он вполне заслуживает поклонения и восторженного почтения, которым окружили его юные порицы. Впрочем, и взрослые ценят его не меньше. Это игрок международного класса: очень быстр, техничен и смел и к тому же обладает способностью так неожиданно импровизировать в сложных игровых ситуациях, что растерянность становится естественным состоянием защиты, когда против нее выступает гройва Хокканена.

Он очень хитрый, этот Яакко. Эпизод, свидетельствующий об этом, не очень краток юного «медведя» из Пори, но, к чести Яакко, надо сказать, что значительном драки на поле был он, а его противник Яакко прижал двухметрового защитника к борту и, действуя в рамках правила, отобрал шайбу. Защитник, обиженный, что такой малыш обыграл его в силовом единоборстве, ударил Яакко клюшкой. Яакко не остался в долгу и под одобрительный рев патристически настроенных трибун ответил метким ударом. Судьи, учитывая педагогическое воздействие своих решений на юных бейсбольчиков, удалили обоих на пять минут.

Я надеюсь, что увидю Яакко в третий раз: он приедет в Москву в составе сборной Финляндии. А вторая встреча была для меня неожиданной. Мы зашли в магазин, хозяин которого продал порицем советские автомобили. Молодой продавец оказался мне знакомым. На серьезном лице цвел свежий шрам. Я догадался, что это след от удара клюшкой. За конторкой стоял лучший нападающий города Пори и, как считают порицы, всей Суоми.

— Успешно ли Яакко торгует автомобилями? — спросил я хозяина.

— Еще лучше, чем играет в хоккей! Видно, нашей автомобильной промышленности придется серьезно поднажать, если каждый финский бейсбольчик захочет получить новую машину из рук Яакко Хокканена.

Она светофоров топит в рекламном позаре.

Так выражают они социальный протест.

пребывании в блоке НАТО, которое дорожает с каждым днем.

Удивительно ли, что каждый датчанин хочет, чтобы атланты из фолькетинга стали легки!

Раггары-отцы и раггары-дети

Первое упоминание о Норвегии относится к 872 году. Оно интересно не столько для историков, сколько для парикмахеров. В этом году король Харалд Хорфагре дел клятву, что не будет стричься до тех пор, пока не объединит всю страну в королевство. Десять лет он потратил на то, чтобы одолеть всех соперников, но напрасно ждал его цирюльщики, десять лет тощине юношки. Его волосы были так длинны, что ему было жалко стричься. Он так и вошел в историю под прозвищем Харалд Прекрасноволосый. Им крайне редкие для этой профессии: монеры остаются в памяти поданных с другим эпиграмм. Вспомните Кровавую Мару, Педро Жестокого, Ивана Грозного, Керла Сумасшедшего.

В Скандинавии на каждом шагу вспоминаешь короля Харалда: города Денни, Норвегии, Швеции и Финляндии по вечерам кишат юношки с ниспадающими почти до пояса волосами. Особенно много их в Швеции. Неумолимы, как законы природы, законы моды так изменили внешние облики шведской молодежи, что девушку можно отличить от юноши только при очень близком знакомстве. Впрочем, есть верный способ: если волосы до плеч,— значит, парень, если короткие волосы и широкие брови до еще трубка и зубка,— значит, определенно девушка.

Конечно, это не все молодые, а только часть

зет вдоль тротуара. Скушающие девичьи выбирают автомобиль, который им более по вкусу. Они нависают в него, и раггар ведет машину с этой начинкой куда-нибудь, где можно быть ее один вечер.

Политика борется с раггарами. Незадолго до нашего приезда в Стокгольм на них была устроена облава. Результаты оказались более скандальными, чем ожидала полиция. Среди отловленных оказалось много почтенных отцов семейств, приехавших в столицу из провинции в рваных штанах, у одного раггаров получить сравнительно дешевое удовольствие.

Больше всего этим возмущались и негодовали раггары-дети.

Медведь из Пори

В финской городе Пори так много детей, что сразу грядущимся: именно здесь анты устроили отчетную выставку «Десять лет работы в Финляндии».

Прибытие советского автопаравана вызвало у порицы детворы повышенный интерес. С самого утра дети сновали между автомобилями, деловитые и серьезные, как мурзаны. И вдруг к вечеру их как будто мурзавид языкком спичнул. Я подумал: «Ражмы Уроки учить пошлы. Ни одного вентя!» Судя по часам я понял причину таинственного исчезновения ребят: сегодня вечером хоккейная команда «Норриске Медведи» собиралась встретиться влохощи с соперниками из столицы финского хоккея Тампере. Трибуны стадиона, несмотря на противную изморос, бы-

ШАГНИ ЖЕ!

Много, наверное, не собирает к уютному домашнему экрану телевизора больше зрителей, чем спортивное состязание. Сегодня по телевизору матч! И встреча, надо сказать, орундая, и транслирует не во всю от начала до конца, а только часть — не беда, страсти сидящих перед голубым экраном накалены не меньше, чем у болельщиков на трибунах стадиона. И так и здесь: смотрят за все глаза, не дышат. И вруду... — Гол! Упорно! Нашин..

По авторитетному свидетельству медиков, в момент таких бурных излияний чувств содержание адреналина в крови сильно повышается, а это и все прочее, сопутствующие подобным эмоциям, будто бы весьма полезно.

Вот, значит, как легко укрепить свое здоровье: проскивая вечер у телевизора, насыщая кровя и все в порядке. Но... Слышите шум за окном? Отвлечитесь на минуту от экрана, выйдите во двор. Там ребята, ваши соседи, посмотрев в прошлую субботу по телевизору левокатлетический матч, теперь сами развелись на две команды и ведут открытую честную борьбу в полном соответствии со спортивными правилами. Конечно, программа у них попроще: нет Барьерного бега, и для мятаня молота не нашлось места. Но так же, как и на больших стадионах, горюют победенцами и счастливы, горы победят. Ожидается, что в ближайшее телеэраденалином жив человек. Многие из этих ребят после окончания «домашнего матча» пошли заниматься в спортивный союз.

Да, эти болельщики умеют не только смотреть, но и видеть. Они без подсказки поняли, что физическая культура, спорт — не кино, главная в них не зритель, а участник, тот, кто играет, бегает, плавает, прыгает... Словом, тот, кто становится год от года здоровее, жирует, краснеет, краснеет.

Другие же вернулись от телевизора к своему одиному столку в

углу двора. Здесь собираются «юзлисты», а среди них, к сожалению, не только пенсионеры. Столк сбит навечно и от каждого азартного удара ладонью точно прочнее встает в змелю. Когда-нибудь, надо полагать, его вобют совсем, до крышки.

А ведь эти люди тоже не пропускают ни одного матча, заранее подсчитывают медали, очки, баллы, вызубрилы немурдые рекордные результаты чуть ли не во всех видах спорта и своих фаворитов фамильярно называют просто по имени... А толку?

Для них спорт — только зрелище. Есть такая порода людей — зеваки. Когда вы видите на улице плотную, густую толпу, вытянутые шеи, настороженные любопытством уши, знайте: это зеваки. Когда на трибунах стадиона или возле телевизионных экранов вы видите залпсных болельщиков, не пропускающих ни одного матча, но не делающих даже элементарной утренней зарядки, когда слышите их бесконечные «завии» — не забыли, то же зевачки. Не болше.

И иной раз с раздражением думаешь: «Каково, собственно, ни дело до спортивного там, на зеленом поле?» Как это ни присорбено, но таковы зевачки очень часто плодям мы, спортивные журналисты. О чем мы, как правило, пишем? О чисто внешней стороне спорта: о рекордах, об очках, баллах, переписываем биографии популярных спортсменов, ищем анекдотические фантинги. И все это в неумеренных дозах. «Спортивный префранс», ничего не дающий ни уму, ни сердцу (а главное, бесполезный для здоровья), отнимает у людей смысл: различные возрасты и професий вечер за вечером.

В результате происходит своеобразное смещение ценностей. В выпускном классе одной из московских школ учеником знает по именам не только спортсмен-фаворитов, но и всех радио- и телекомментаторов. Но ни один из них не имеет ни спортивного разряда, ни даже значка ГТО.

Болельщики постарше — студенты одного из орундуемых вузов — организовали у себя тотализатор спортивных зрудитов. Тут принимаются ставки на любимых чемпионов, на любимые команды... Чтобы не проиграть последние штаны, зрудит должен следить за каждой строчкой спортивной прессы, быть болельщиком астринтасса!

А вот вам пример, так сказать, из другой оперы.

Выпускник-медик делится со мной своим сокровенным: он мечтает быть токсиколом врачом.

— Какими!
— Ну, вздуть с командой... Быть на всех матчах... смущенный мной непонятливостью, объясняет он.

Вот ведь как заботится человек о своем адреналине!
Для обсуждения волнующих проблем «школьного листа» собираются: в вечер в вечер на аллеяк Пригородного парка в Одессе сотни футбольного знатка. Знате, как они себя называют? Фанаты. Места, где собираются эти фанаты, маманы со своим ребятишками обычно обходят за тридевять земель.

Известно ли вам, у кого из ведущих вратарей под самым носом шишка? Нет! А здесь известно. И с какой ноги сегодня встал обожаемый интферрарвар — с правой или с левой? — здесь тоже знают. Правда, иногда расходятся в мнениях. Тогда правда доказывается матерщиной, а частично и кулаками.
Они любят спорт? Нет, для них это всего лишь спортивное зрелище.

Итак, кто по телевизору матч! И отсюда нужна книга, продам билет на талантливый фильм, продукция художественная выставка...
И по всему городу бродят агитники, завербованные своими транзисторами...

И вы слышите повсюду лишь все те же «завии» — не забыли, точно не осталось больше слов в великом русском языке...

— Что же тут плохого? — кровно обидевшись один из моих знакомых, выспотыривший в этих словах поклеп на искривленного беззастенчивого фаната — чем польза? А если и выпьем один раз, то лишь по еидейным соображениям: за любимую команду.

У засадыгатаматчей, для которого нет в мире делней более значительных, чем забивать мяч, фамильярно мусулящего имена любимых фаворитов — всех этих Коль, Петь, Фядь — похвалиться. А если и выпьем один раз, то лишь по еидейным соображениям: за любимую команду.

но) тосты «за любимую команду, разведт прежде всего преклонение перед чужим успехом, глупое подбодрение. Так воспитываются не спортсмены, а околоспортивный обыватель, ищущий в газете всегда всего таблицу розгрыша. Неужели только этим богата жизнь!

Посоветуем зядию болельщику «зарваться» любимым видом спорта, спустится со своих лацкане трибуны на зеленое поле, самому ударить разок по мячу. Вот тогда от зрелища будет реальная польза.

Сейчас молодого человека со знанием мастера спорта можно увидеть довольно часто. А вот вспомнить, часто ли вы видите на лацкане пиджака, на девичьей короточке значки спортсменов-разрядников? Что, мастеров у нас больше, чем разрядных мастеров? Часть своего обаяния? Просто есть разрядников сегодня, очевидно, считается куда менее почетным, чем, скажем, лет десять — пятнадцать назад.

Давайте присмотритесь (хорошо, если б я ошибся): не потеряла ли физкультура (то есть культура теле, здоровья) в глазах нашей молодежи некоторую часть своего обаяния? Быть популярным спортсменом почетно, даже сверхпочтено. Просто заниматься в секции, выступать на школьных, факультетских, институцских соревнованиях — так себе... Во всяком случае, чаще хвалятся модным костюмом, магнитофоном новейшей марки, чем умением превосходно плавать, завалкой, выносливостью, отличным сложением, наконец.

Болельщиков достаточно. Много ли спортсменова!

Конечно, болельщики. Но сути, потенциальный спортсмен. Но для этого в спорте ему надо видеть главное. Дело ведь не в забитых голах, не в скрупулезно подсчитанных очках разных команд... Поиравившись, сильные, быстрые, заторные спортсмены — постарайся сам стать таким.

Всегда ли думаем мы о болельщике? Думаем ли о нем, например, тренеры или преподаватели физкультуры, стремящиеся всеми правдами и неправдами добиться перевеса на соревнованиях? Приравнены лишние очки, а в сознании и участии и зрителья остается ушербиная: значит, важна не честная борьба, не действительная сила, а просто выигрывать. И в сознании и участии и зрителья остается ушербиная: значит, важна не честная борьба, не действительная сила, а просто выигрывать. И в сознании и участии и зрителья остается ушербиная: значит, важна не честная борьба, не действительная сила, а просто выигрывать.

Так воспитываются не только нечестные спортсмены, так воспитываются и несправедливые болельщики. Для такого не истина важна, а выигрши «своей» команды.

Доступна ли ему прелесть спорта? Вспомните спорт даже человеку не только физическое здоровье, но и душев-

СМОКЕТ ЛИ ДЯВЛО ВЫГРЫВАТЬ?

В свое время широкой известностью пользовалась аллюгорическая картина, изображавшая шахматные сражения между дьяволом и дьяволом. Станов в этой игре была душой. Поза и выражение лица молодого человека свидетельствовали, что дела его безрадостны. Еще несколько ходов, и он проиграл.

Однажды эту картину увидел великий русский шахматист М. И. Чигорин. Остановившись перед ней, он надолго задумался.

— Чем вас так заинтересовала эта картина, маст-ро? — спросил Чигорин один из его спутников.

— Мне кажется, — ответил Михаил Иванович, — что бедная женщина отчаянется слишком рано. Его позиция не так уж плоха.

Решите эту позицию (белый игрок юности) и докажите, что автор картины в самом деле не очень разбирался в шахматах.

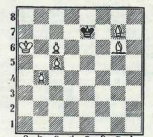
ВСЕМ НЕ ПРОСТО

С первого взгляда может показаться, что решить эту задачу легче легкого. Ведь фигуры связаны по рукам и ногам, тут бы не любой их ход приводит к немедленной мату. Однако, везет, белым требуется нехитрое четыре хода, чтобы добиться желанной победы. Найдите их.

КАКАЯ ФИГУРА МАТУЕТ

Предлагаю вниманию читателя малоизвестную позицию выходящего советского шахматного коллектива Л. И. Бубоява (1901 — 1967 гг.). Во сколько ходов черные все же и какой фигурой белые дадут мат черному королю?

а б в г д е ф ж з

ное. Спортивное состязание — это прежде всего борьба, столкновение в честном поединке умов, характеров. Спорт формирует не только тело человека, но прежде всего его личность, те моральные качества, которые так полно раскрываются в трудные жизненные моменты. Я должен добиться победы, — говорит себе спортсмен. И это умение побеждать становится важнейшей частью его характера.

Вот кто надо почувствовать, сидя на трибуне.

Я ведь тоже болельщик. Никогда не забуду марафонский бег на Токийской олимпиаде. Вы, конечно, знаете феноменального африканского бегуна Виллиу Абебе. Уже с середины дистанции мало кто сомневался в его победе. Виллиу бежал по улицам олимпийской столицы, провозглашая восторженными возгласами и восхищенными взглядами зрителей, выстраивавших вдоль многокилометрового пути. И ввора сотни тысяч людей укрывала для него затаенная радость.

Вот победитель финиширует под всеобщим рыв толпой. Буд победитель уже с немного открытым ртом. А в это время финиширует бегавшие позади него.

И где-то может быть, в нескольких километрах от цели, бежит еще один марафонец — последний. Вот — смотрите! — выхвачен он в документальной ленте, заснятой киноаппаратом. Обессиленный, с трудом переступая ногой, движется спортсмен по тем же улицам, по которым недавно проследовал триумфатор. Последнему всегда труднее. Хорошо еще, если его сопровождают молчаливые. Чаще — насмешками. Его путь растягивается бесконечно, на лишние десятки минут — поистине марафонский путь. Он уже проиграл своей бои. И все же стремится к финишу. Спортсмен отлично знает, что за ним оставлено право уступить своей слабости, сесть, сойти с дорожки. Но он спортсмен, и сплывшая от усталости, идет к своей победе. Да, к победе, быть может, наиболее значительной в жизни. К победе над самим собой. Как я болел за него, как завидовал воле этого человека, не сошедшего со своего пути!

Трибуны, переполненные болельщиками, — это первая, чисто теоретическая школа будущего спортсмена. Ты пришел болеть! Ты должен, обязан «заболеть» любимым видом спорта. Ты видишь вполне достигшие себя примеры физического совершенства — позавидуй. Не смущайся — это хорошая, полезная вещь. От болельщика до спортсмена — только один шаг.

Шаги же!

Марк ТАРТАКОВСКИЙ

Смена № 8. «Я ЗАБЫЛ СПРОСИТЬ У ЛЕШКИ»

Только что прочитал рассказ В. Распутина, и сразу же захотелось поблагодарить писателя, создавшего образы этих незабываемых только что вступающих в жизнь героев, именно поэтому что ничто nikdy не превосходит и правдиво описанных навстречу трудностям жизни и решивших стать настоящими людьми. Образы этих ребят выразительны и правдивы. Когда я читал книги о людях, совершающих подвиги, и думаю вот эти люди, не что то и А герой рассказа В. Распутина такие же, как я, обычные ребята, и если посмотреть на них со стороны, то и героизма в них, как будто нет, просто эти люди, познание веры в будущее, люди, стоящие на пороге нового, и в этом героизма тех людей, моих современников, может и не было, но они были настоящими, как остались незабываемыми Лешка, строивший коммунизм всего одной попойкой.

И еще. Прочитав этот рассказ, и мне захотелось поехать в тайгу, туда, где поглот Лешка, заменить его, встать плечом к плечу с юными ровесниками, несущими героическую вахту...

А. ПАПАНШИЛИН, г. Астрахань.

Смена № 9. «ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ...»

Детские чтение «Смене», но никогда не писал в журнал и не стал бы писать, если бы не эта новая подборка с критикой комментарием «Что есть счастье». Редакция задала вопрос, но не ответила на него. Такими первый вариант рассуждений о том, что счастье в труде, звучит необычайно. Грозит и другое — в письмах reader просильно-стремительно думать, философски осмыслить, выдумать. А ведь умение думать, а не совершать, держа при запас десятков мыслей, по замкнутых их печати, — это и есть счастье.

В. НИРОВ, г. Алма-Ата.

Прочитал диспут читателей, и мне вспомнилась повесть Анатоля Франса «Рубашка» — гениальное раздумье о счастье. Помните?

И солдат, мне 22 года, образование среднее, специальности нет. Трудно будет начинать жить после армии. Но меня это не пугает. Вперед! Вперед! вперед, а значит, счастье.

Какая интересная сейчас жизнь! Нам ли думать, не доверять друг другу? Нет, сама жизнь решает нас счастливыми, простым честными.

И, конечно, я буду продолжением диспута, и пусть каждый будет откровенным. Успеха вам и счастья!

С. ГОРОШКИН, Приморский край.

Считать меня чем хитрее, но больше выжурна выписывать не буду. Получила номер с обзором писем о счастье, и выписала в журнал, потому что в нем написана интересная, нагла чужь. Разве вы сами не знаете, что деньги — это иллюзия, это счастье? Мне 27 лет, я шахтер, я шахтер, я шахтер, поднаживая свои выходы.

Анонимно, г. Донецк.

Прочитала в «Смене» о 16-летнем писателе, недолго жившем, но — и смелом — и смелом, трудно со школой и студенческой смелой повесть в Сибирь, в путешествие или в глухую деревню. Тут нужна помощь людей и собственная убежденность.

Г. ДЖАНДИЕВА, Гурьевская обл.

Смена № 9. «СОГЛАСНЫ!»

Может быть, и слишком запоздало со своим мнением, но не высказывался по этому поводу я не могу. Речь идет о статье Галины Шевцовой «Согласны!», публицистический анализ той обман меня своей откровенностью, напористостью, острой выдумкой проблем. На читателя обрушен каскад вопросов, ни один из которых не имеет промедления в своем ответе.

В. ВЕСЕЛОВ, г. Горький.

Смена № 11. «ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ»

В статье речь идет о туристских походах, о туристах и их любимых местах. Откровенно говоря, мы надеемся увидеть впечатляющую туристскую повесть в этом же номере, но не получу-то не озадаюсь. Очень приятно в следующем номере увидеть хорошую туристскую повесть.

О. КАРАМАННА, г. Запорожье.

Смена № 13. «ДИНАСТИЯ МУЗЫКАНТОВ»

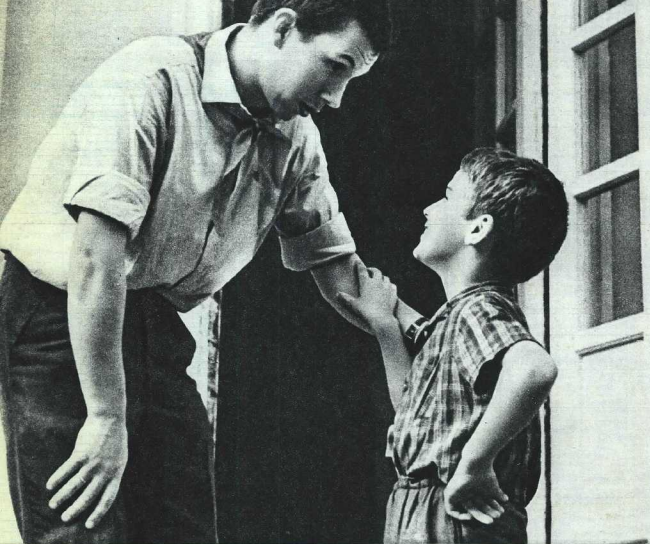
Узнавшем редакцию! Очень приятно было прочитать опубликованную вами статью, в которой рассказывается история музыкальной семьи, родоначальники династии — знаменитый пианист Игорь-Давидов.

К сожалению, в статье вырвалась досадная неточность. Дело в том, что артиста оркестра Большого театра Ольга Георгиевна — это Давидов — младшая дочь профессора Г. Н. Давидова от второго брака его с Ниной Александровной Дуловой — известным педагогом-композитом.

Упомянутая в статье Нина Дулова (по мему Корсакова) является не дочерью профессора Г. Н. Давидова, а его племянницей. Эти два момента не исключают музыкальную преемственность в этой семье.

Е. ГИРИНА, заслуженный деятель искусств, художественный руководитель музыкально-педагогического института имени Гнесиных, профессор О. Дулова — артистка Большого театра, педагог школы имени Гнесиных.

РЕД. Пользуемся случаем поблагодарить авторов письма за внимание и журнал и принести свои извинения за допущенные неточности.

ВОСПИТАНИЕ РАДОСТЬЮ

Т. ОШАНИНА

ФОТО В. МИШИНА

— Вот.
И восторг импровизированных трибунов пионерлагеря! А по полдню мезутой мальчишки, горючие, грязные, не видящие ничего, кроме крутящегося вращающегося, несуществующего мяча. И после мяча лишние волосы, не остывшие от аварии глаза и нежелание говорить о чем-нибудь другом. Даже следующие утром, только со сна, еще теплые, сонные:

— Ну, сегодня играем.

Играем.
Хороший лагерь — это продолжение воспитания в самом широком смысле слова. И все зависит от того, какой в лагере старший вожатый, какие остальные вожатые. Это не вожатый — нужно искать в общех, официальных пунктах — «Нихта труда», «Традиция боевой славы», «Нравственные воспитание», «Физическая подготовка» и других, входящих в обширный комплекс пионерской работы, — свое, творческое, конкретное, чтобы принести радость детям. Чтобы в простом, будничном открытии из значительное, важное.

...Вечер. От пионерской комнаты до постамена — метров триста. Ребята в красных галстуках стоят по обе стороны песчаной тропинки. У них серьезные лица, они молча смотрят на дверь пионерской комнаты. Дверь открывается. Мальчик и девочка дергают завет. А на ступе застыли мальчишки и девочки, почти тавные же, как эти, стоящие по обе стороны дорожки.

До постамена метров триста. И ребята лица поворачиваются за плы-

вущим стендом, на котором — герои пионеров.

Открыть открывается дверь пионерской комнаты, и опять мальчишки и девочки выносят степид, но на нем уже более взрослые лица — герои-комсомольцев.

Тихо стоит лагерь. Вон Лебедевы — братья, Витя и Ленка. Они никогда не умели стоять так тихо. А сейчас молчат, сдвинувшиеся плечами, взглядываясь и лишь робко, потыбишек когда-то очень давно, бесконечно давно, когда Витя и Ленка еще совсем не было. Ленка вытравывает шею. Потом торопливо делает шаг и идет навстречу степиду. За ним выскакивает Витя и рыком, в ногу спешит за степидом. Миле мальчишки. И все молча, торопливо, почти стеной идут за степидом.

Вот и постамент. Смотрит Ленка на вечный огонь, трепетный, торжественный, пышный и непохожий на тот, который греет чай, который бьетца и нузничном у отца на заводе. Смотрит Витя.

...У постамена мальчик и девочка, на часе. Уже двенадцать ночи. В лагере свет. Но не все. Ленка, его товарищи ударили из палаты. И к постаменту. Светом. Только яркие пламени да лица на фотографии, да массивные. Как же сделать, чтобы весь лагерь — 1 300 человек, 1 300 мальчишек и девочек, мог так запомнил героя, мог так молчаливо, мог так убежденно ночью из палат и, новодя замерз-

шими плечами, смотрели на ушедшее в прошлое поколение?

Тихо, — говорит старший вожатый Иван Попов.

— Ну ты, тише! — помогает ему кто-то.

Это было задолго до сбора.

— Они такие же были, как вы. Постарие, помядше, дрались, слушались, не слушались, плавали, пели... Такие же. И так же смеялись и играли в футбол. И так же плакали, если им было обидно. Понимаете?

— Иена, а им бывало страшно?

Старший вожатый, что он предстает собой? Лагерь — 29 лет, Иена. Да. Еще недавно слесарь-сборщик. Потом тапер, на ливневной должности. Несколько лет подряд работает в лагере. Сначала старшим вожатым, теперь старшим.

— Иена, помоги, у меня мальчишки есть. Виталик. Молчи, ходит, опускает голову, убежит, — говорит нянчить. Виталик — девятилетний человек. Он всего до носка Иена. Он не умеет смотреть в глаза, и он не умеет держать поды. Мать его бросила, отец нет, отцу никогда не встает.

— Мне нужна твоя помощь — Иена подтягивается до губных воев. — Виталик! Ты будешь сторожить, турустский уголок? Выходи палатку!

Он нахлободит за мальчишном неделю, две, видит, на тот тоскует и дню принесла родителей... И Иена звонит на завод, вызывает к телефону папу Виталика, и тот потом, при встрече, прачет глаза, говорит невнятно: «Иена, того, спасибо... Я...»

Понят мальчишку — это имой раз просто прислушаться.

Идут не в ногу, думают об одном.

Экзюмен на смекалку.

На луковой плантации.

Судьи заводяют протокол.

Сейчас вожатые Наташа Константинова и Женя Буланов просто зрители.

Факел спартакиады.

Лагерь — завода имени Лихачева. В Меченом Завод приспал в лагерь не только Женя, Слава Есинов, Женя друг, был пионером в лагере. С четырнадцати он на заводе. А в двадцать с небольшим вожатый. Очень нравится в их работе — превращать работу в игру, в игру для ребят, чтобы ребята тоже пришли к работе... В день, проведенный в лагере, успевая... — Папа, ты знаешь, что мы делаем? А папа? Мы делаем машинки.

— Машинки? Интузиачные? Что ты, интузиачные! Настоящие, какие ты делаешь у себя в лагере. Мы собираем металлолом, а из него дома рабочие собирают машинку. Ну ладно. И собираете, и собираете, собираете. И вы собираете, и вы тоже собираете? — Пойдем, я покажу... Смотрите, это — излившиеся желваки. Мы сорганизуем, мы перевоспитаем плав. Потом будем ездить на нашей машинке. Мы знаем как работать!

А. С. Макаренко писал о градостроительстве, которое должен иметь трудовой коллектив. Он считал такую перспективу эффективнейшим средством воспитания.

Когда в конце смены на территории лагеря выдвигают новки, Сестрички, шарьяя от солнца машинка, ребята потрогали сморток, что получились, родилось, описано на переписанных корявых балонах, на тивельных балонах, из границах, границах листов разворосниного металла. Кто это придумал, печальнейший лагерь, Женя Попов, Слава Есинов, другие вожатые? Выходит с детства, с игры начинается труд. Выходит, что повзрослевшие ребята, как рождается впитан, как создается крепко бабстер, пахучей овензном машинки. Ведь надо было придумать, чтоб стало интересно собирать желваки, чтобы все 1200 человек жили тем, что и она тоже спосойны что-то создать. Так машинается труженник.

Воспитание радостью — это душевно, это добрый человеческий настрой вожатых.

Они умеют организовать ребят на прогулку свежых, говоря им: — Помните, Федя, Буряк вышел в три раза самой свежик. Нам попросили. Ну? Как мы решим? Не навалывайся, а объясняй, заставит самих ребят закричать: — Подем!

— Почему? Почему? — И вот почти все пионеры растинулись по дороге от лагеря до колхоза. Это три километра. Когда первые ступили на колхозную поля, последние только выходили из лагеря. Вот эти двадцать га заросшей свежик. Вот эти орыль с сочной травой за куленую свежик, и живущие подыгги ребят, и руки вожатого, делющие свой три квадратных метра, и обратный путь — усталых, усносовых людей.

Женя не исполнителен, но он умеет задавать тон. Он умеет непонятно оказаться около новой вонзаты из бедности растеряной, потому что ребята не слушаются, не ложатся спать, не убирают кровати. Он умеет помочь, а спустя несколько дней мягко, просто сказать: «Спасибо, сегодня правилом с мальчишкой поступила.»

Есть в лагере еще вожатый — Женя Буланов. Отрадиль вожатый. Ходит с ребятами по лесу. Разговор — о деревьях, траве, жуках.

Ребята у Буланова разные: десяти и тридцатидесяти лет. Не первый раз в лагере, в его отряд просятся. Ходит Буланов с отрядом по лесу. Вроде все хорошо, все благополучно. А вечером один его пионер, Грачев, ставший из гнева гравчев, не очень еще заросших, млет их.

Буланов привел Грачева к себе в комнату, пошел на кровать и начал мужской разговор.

— Ты знаешь, как мать их сейчас мечется? Не знаешь? А еще Грачев! Грачев погнался на премьера.

— Я их, обратно. Тесно, душно в комнате. Разговор оюочен.

— Заводу исполняется пятьдесят лет. Собирается педагогический совет лагеря. Один день, полдень, пропустим, кажется правдично. И за один день — пятьдесят лет.

— Покажем им, как мы делаем рубль, колесо. Рубль завод колхоза в пионерное общество... Выпустились машинки «АМО-Ф-15»... Фейерверк будет.

— А на новых машинках поедут мальчишки-посоветы... Одежда такая... Вожатые думают об оформлении празднично, о его сути.

— А когда в лагере собираются на костер и решают, как ему загораться — от простого ли спички или от ласки, — спорят захваченны все... Когда же костер всплывает, слышат отблески, кажется, что не только на весь лагерь — на весь мир слышны восторга восторга, радости красноречивых мальчишек и девочек.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунок А. НЕКРАСОВА

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

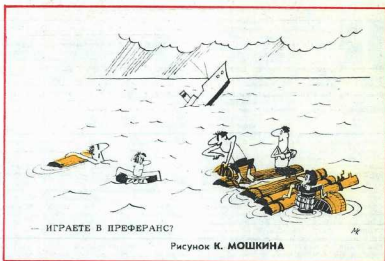

Рисунок К. МОШКИНА

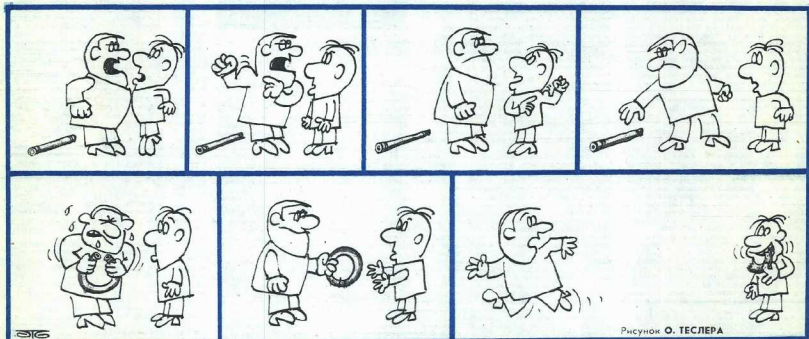

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

На первой странице обложки:

Наталья Бондаренко, Ольга Монсева, Борис Петров и Лев Голованов — актеры Государственного академического ансамбля народного танца СССР — исполняют «Аргентинское танго».

НАШ АДРЕС:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 1-05-51; международной печати — Д 3-31-50; фотосъемки и слюда — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотосъемка в репортажах — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчиев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, К. Н. Замойский, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стугов (главный художник).

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Н. Будкина.

А 10329. Подписано к печати 20/III 1968 г. Формат дум. 70 x 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 1521. Заказ № 2094.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды» 24.

ПУСТЬ ДОРОГА НЕ КОНЧАЕТСЯ

Слова Юрия ПОЛУХИНА
Музыка Алексея ЭКИМЯНА

Рюкзак захватим надолго,
Пусть родные нас не ждут,
И в краю озер и радуги
Мы проложим свой маршрут.

Нам плуать лесными кручами,
Воду пить из родника,
И, конечно, это к лучшему,
Что дорога далека.

Полон белками и утками
Край богатый, край родной,
Где проходят лоси чуткие,
Там пройдем и мы с тобой.

Ах, как это все же здорово —
По росе шагать с утра!
Ах, как это сердцу дорого —
Дым веселого костра!

Нам озёрные излучины
Заблудиться не дадут,
Тропы узкие, дремучие
Снова к людям приведут.

Ветки синие качаются
И гудят, как провода...
Пусть дорога не кончается,
Как и песня, никогда!

Оживленно.

Рюкзак

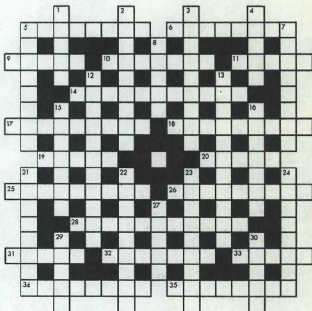
ки захватим надолго, пусть родные нас не ждут, и в краю озер и радуги мы проложим свой маршрут. Нам плуать лесными кручами, воду пить из родника, и, конечно, это к лучшему, что дорога далека.

Полон белками и утками край богатый, край родной, где проходят лоси чуткие, там пройдем и мы с тобой.

Ах, как это все же здорово — по росе шагать с утра! Ах, как это сердцу дорого — дым веселого костра!

Нам озёрные излучины заблудиться не дадут, тропы узкие, дремучие снова к людям приведут.

Ветки синие качаются и гудят, как провода... Пусть дорога не кончается, как и песня, никогда!

КРОССВОРД

Составил Б. ДОНСКОЙ
г. Вахушени,
Московская область.

По горизонтали:

1. Союзная советская республика.
2. Рассада.
3. Слав исследователь утиролом.
4. Русский композитор.
5. Центр угольной промышленности Ростовской области.
6. Геометрическая фигура.
7. Советский актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского.
8. Река в Северной Америке.
9. Рыболовная снасть.
10. Электронная лавна.
11. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горы от ума».
12. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.
13. Роман Л. Н. Толстого.
14. Цветок.
15. Советский авиационный прибор.
16. Автор песни «Свято, товарищи, в ногу».
17. Часть литевой формы.
18. Мукомольное предприятие.

По вертикали:

1. Стиль плавания.
2. Советский поэт.
3. Инструмент для работы по металлу.
4. Стихотворение А. С. Пушкина.
5. Выемка в грунте для возведения фундамента.
6. Дикое парнокопытное животное.
7. Русский народный духовой инструмент.
8. Выдающийся русский агрохимик и физиолог растений.
9. Научная работа.
10. Зернохранилище.
11. Наука о развитии человеческого общества.
12. Соревнование в танце.
13. Итальянский дирижер.
14. Порт на Рыбинском водохранилище.
15. Северная птица.
16. Печаль птицы.
17. Городской суд.
18. Курорт в Калининской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

1. Мексика.
2. Турчанинов.
3. Арматура.
4. Динарца.
5. Манитиш.
6. Фирдоус.
7. Камаши.
8. Точка.
9. Анодор.
10. Галимид.
11. «Вилья». 23. Смурьян.
12. Удариш.
13. Заструга.
14. Ореховка.
15. Ацигели.
16. Антонида.
17. Ленингорск.
18. Кремль.

По вертикали:

1. Моргунок.
2. Кляпан.
3. «Нивка».
4. Аномалия.
5. Орденис.
6. Сатайда.
7. Ракетогосен.
8. Трубопровод.
9. Могово.
10. Шалайда.
11. Селитра.
12. «Фидели».
13. Идельня.
14. Наротель.
15. Механика.
16. Угольнич.
17. Кратегрий.
18. Занана.
19. Капта.

ВЧЕРАШНИЙ ДОЖДЬ

Дожди бывают затканные и грибные, долгожданные и неоси-
даемые... Неожиданный дождь высокой степени концентрации,
в просторечии именуемый ливнем, способен мгновенно пре-
образовать самый строгий городской пейзаж в сцену из не-
медиа-буффа. Резкая смена наземной ситуации вынуждает
горожан проявлять недюжинную смекалку и находчивость.
Теи, кто решает «намаде» форсировать водные рубоны, при-
ходится позабыть о чопорности. Большинство «жертв» этого
виронаводнения с открытым удовольствием пересажуют
«брод» городские магистрали. Еще бы, ведь это—самое настоя-
щее приключение, по исторому всегда тоскует заасфальтиро-
ванная душа горожанина. И, как всякое волнующее приклю-
чение, вчерашний ливень еще долго будет предметом прият-
ных воспоминаний — комических или героических: «Как сей-
час помню, иду я, значит, по улице, и вдруг...»

— Фото В. ТУТОВА

